

Серия «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ АВТОРЫ»

Владимир Попов

ЗВЕЗДЫ РЕФОРМАЦИИ

MISSION
EURASIA
Train to lead. Equip to serve.

УДК.2.23/28
ББК.86.37

Владимир Попов
«Звезды Реформации». – Киев, 2016. – 112 с. –
(Серия: «Национальные евангельские авторы»).

ISBN 978-617-7374-14-4

Издано Mission Eurasia (www.missioneurasia.org) /
Ассоциацией «Духовное возрождение» (www.asr-rm.org)

Отдавая дань знаменательному юбилею – 500-летию Реформации, автор сборника задался целью очертить беглые портреты известных христианских подвижников, причастных к делу Реформации, и в популярной, доступной форме показать те факты их жизни и деятельности, которые повлияли на ход церковной и общей истории человечества.

Мнение автора не всегда совпадает с мнением редколлегии.

© Владимир Попов, 2016

© Mission Eurasia / Ассоциация «Духовное
возрождение», 2016

Содержание

От автора	4
Рыцарь Христа и бедные дамы	6
Утренняя звезда Реформации	12
Проповедник Вифлеемской часовни	20
Пророк и реформатор	28
Вождь Реформации	35
Женевский реформатор	45
Христианский гуманист и мученик	55
Пилигрим к небесной Отчизне	62
Поэт и правозащитник	70
Проповедник духовного пробуждения	78
Миссионер в Индии	86
Проповедник благодати	94
Об истоках Реформации в России	102

От автора

Существует много разных способов воссоздания истории. Один из них – представление исторических явлений в лицах, оказавших существенное влияние на ход исторических процессов. Ведь всего какие-то 500-600 лет с точки зрения Вечности – лишь малая капля времени. Например, вождей Реформации, основоположников протестантизма Мартина Лютера и Жана Кальвина мы в определенной степени можем считать нашими современниками.

Не все лица, представленные в очерках данного сборника, были непосредственно связаны с эпохой Реформации. Такие исторические личности, как Франциск Ассизский, Джон Виклиф, Ян Гус, Джироламо Савонарола, так или иначе, каждый по-своему, готовили почву, прокладывая путь для грядущей Реформации. А другие исторические фигуры, жившие спустя столетия после того, как стремительная колесница Реформации пронеслась над Европой, также очень много сделали для практического воплощения ее духовного наследия. Это величайший поэт, философ и крупнейший

общественно-политический деятель Джон Мильтон, христианский писатель и проповедник Джон Беньян, основатель методистского пробуждения Джон Уэсли, создатель всемирной сети христианских миссий Уильям Кэри, король проповедников Чарльз Сперджен и многие носители идей Реформации на славянских землях.

Яркие следы в истории мирового христианства оставили предшественники, отцы и потомки Реформации. В широком смысле их по праву можно назвать «звездами Реформации».

Отдавая дань знаменательному юбилею – 500-летию Реформации, автор сборника задался целью очертить беглые портреты известных христианских подвижников, причастных к делу Реформации, и в популярной, доступной форме показать те факты их жизни и деятельности, которые повлияли на ход церковной и общей истории человечества. Это не научные биографии, не скрупулезные исследования, не историософские эссе. Таких трудов по данной тематике написано очень много. И они подчас нелегко читаются и воспринимаются неспециалистами. Автору хочется, чтобы любой читатель, независимо от уровня образования, профессиональной и конфессиональной принадлежности, через знакомство с содержанием кратких очерков смог просто ощутить животворный и творческий дух Реформации, преобразивший Церковь и общество на началах Евангелия Иисуса Христа.

Рыцарь Христа и бедные дамы

Франциск родился в 1182 году в маленьком итальянском городке Ассизи. Его отец Пьетро Бернардо был преуспевающим торговцем сукном и мечтал, что сын станет помощником. Юный Франциск освоил очень быстро торговое ремесло. Он привлекал клиентов изяществом манер и обаянием и ничем не напоминал купца-стяжателя. Отец зарабатывал деньги, чтобы их копить, а сын – чтобы транжирить.

Франциск любил шумные пирушки с друзьями, игры и развлечения с городской молодежью. Он увлекался рыцарскими турнирами, грезил военными походами и мечтал о славе на поле брани.

В те времена междоусобицы сотрясали земли Италии. Франциск со всем пылом сердца участвует в войне Ассизи с Перуджи, отправляется на защиту свободы Сицилии.

Но однажды он почувствовал, что какая-то неведомая сила ломает его честолюбивые планы. По пути к местам сражений его неожиданно охватывали тяжелые

болезни, и он слышал некий внутренний зов, повелевавший ему немедленно вернуться в Ассизи.

Прирожденного поэта Франциска всегда тянуло к природе, особенно он любил живописные окрестности Ассизи. Однажды во время ночной прогулки по цветущим полям Франциск уловил тяжелый запах гниения. Перед ним у дороги стоял прокаженный. Франциск спрыгнул с коня, пылко обнял несчастного, поцеловал его изуродованные руки и дал несколько монет. Со следующего дня Франциск стал посещать местный лепрозорий. Он омывал и перевязывал больным язвы, смиренно и терпеливо ухаживал за ними.

Победитель рыцарских турниров, первый заводила бесшабашной молодежи превращается в рыцаря добра, любви и мира. «Поскольку я пребывал в грехах, мне казалось слишком горьким видеть прокаженных, – писал впоследствии Франциск своим братьям во Христе, – и Сам Господь привел меня к ним, а потом через некоторое время я оставил мир». Встреча с прокаженным стала для Франциска моментом сердечного обращения ко Христу.

Он снова тратит много денег. Но теперь уже не на удовольствия и забавы, а на богоугодные деяния, на помощь бедным.

Назревает неминуемый конфликт с отцом. Разъяренный, он ведет Франциска на суд к епископу. «Я звал отцом Пьетро Бернардо, теперь я слуга Господень», – заявил сын перед большим собранием.

Франциск сменил модную изысканную одежду на поношенный плащ странника, подпоясанный простой веревкой. Он решает в точности исполнить слова Христа:

*«Не берите с собою ни золота, ни серебра,
ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни
двух одежд, ни обуви, ни посоха».*

(Мф. 10:9-10)

Франциск не остался в одиночестве. Его судьбу и высшее призвание разделили ближайшие друзья и единомышленники.

Когда он проповедовал в Сан-Руфино, среди его постоянных слушателей находились юные представительницы знатного семейства Оффедучи: Клара, Катерина и Беатриче. У Клары под влиянием набожной матери сложился возвышенный строй души. Она была совершенно равнодушна к мирским забавам и удовольствиям, неизменно прерывала разговоры родных о замужестве. В душе юной девушки рождалась необыкновенная любовь к Богу, она искала цель жизни, которая выходила бы за пределы земного бытия. Эту возвышенную цель она ясно увидела, когда услышала проповеди Франциска, и страстно пожелала жить для Бога.

Пример Франциска воодушевил Клару, и она решилась на отважный поступок. Глубокой ночью, тайком от родных семнадцатилетняя девушка покинула родовой замок.

Клара бежала в монастырь, где ждал ее Франциск и другие братья. Там у алтаря она приняла монашеский обет и молитвенно посвятила себя служению Господу. Клара сменила дорогое бархатное платье и атласные туфельки на плащ из грубого сукна с поясом из веревки и деревянные башмаки. В таком облачении она и вошла в братство Христово.

Пылкие родичи отправились в погоню за беглянкой. Несколько дней подряд они осаждали монастырь, где укрывалась Клара, осыпая проклятиями его обитателей. Самые гневные упреки обрушились на голову Клары: «Коль захотела в монашки, неужто нельзя было избрать орден, достойный твоего благородного происхождения?» – неистовствовали родственники. Но все усилия оказались безуспешными: Клара была полна решимости следовать за Христом, посвятить себя Божьему делу. Монастырь выдержал и вторую осаду родственников, когда туда через две недели бежала шестнадцатилетняя сестра Клары Катерина. Клара, упав на колени, умоляла Господа остановить обезумевших людей. И преследователи отступили. Вера восторжествовала.

По настоянию Франциска девушек перевели из бенедиктинского монастыря в храм Сан-Дамиано. Он стал оплотом женского ордена, основанного Франциском Ассизским. Первоначально в женское братство вошли подруги и родственницы Клары. Со временем в Сан-Дамиано пришли мать Клары и сестра Беатриче.

Неизменным духовным наставником и попечителем ордена был Франциск. Он же дал ему и название – «Бедные Дамы». Почему не «меньшие сестры» по аналогии с «меньшими братьями»? Однако Франциск проявил рыцарский подход. Название должно было свидетельствовать, что в самой простой, бедной жизни эти женщины призваны ощущать себя госпожами, невестами Христа. Отказавшись от материальных благ, члены ордена обрели богатство души во Христе. Франциск всячески поддерживал в них горение духа. Сохранились несколько его писем к Кларе. В одном из них он писал:

«Я, меньший брат, Франциск, хочу следовать и жизни, и нищете великого Господа нашего Иисуса Христа и быть верным этому до конца. И потому прошу вас, сестры и госпожи мои, и даю вам наставление, чтобы вы всегда пребывали в этой святейшей жизни и нищете. Будьте же бдительны и внимательны, дабы по чьему-нибудь наущению или совету не отдалиться от этого, пока живете на свете».

Единомышленницы Франциска во всем старались подражать своему духовному наставнику. Их быт был в высшей степени непритязателен. Здоровые спали на соломе, больные – на тюфяках, трапезничали сестры за грубо сколоченным столом, использовали самую простую посуду. Убогая обстановка не унижала достоинства сестер. Клара часто спала на голой земле или на подстилке из хвороста, носила ветхую одежду, но неизменно сохраняла осанку и манеры герцогини. В 1215 году под духовным руководством Франциска Ассизского она взяла опеку над орденом. Клара никогда не приказывала, не повелевала своим подопечным, а только прислуживала им. Она выбирала для себя самое неудобное место и самый черствый хлеб. Франциск часто направлял сестрам прокаженных. Они заботливо лечили и кормили несчастных, помогали нищим и обездоленным. Клара руководила художественной мастерской, где сестры вышивали для бедных церквей. Но прежде всего она старалась так поставить духовную жизнь сестер, чтобы поддерживать в них дух радости и веселья, воспитывая умение побеждать искушения и непрестанно молиться. Франциск Ассизский со всеми братьями и сестрами странствовал по городам и селениям как олицетворение Божьей любви и Божьего прощения.

Клара называла себя лишь «травкой» или «цветочком» Франциска. Но этот скромный «цветочек» очаровал множество благородных душ не только в Италии, но и в других странах. Образ сподвижницы привлек к женскому ордену утонченных аристократок Европы – Изабеллу Венгерскую, Гертруду Брюггскую, Бланку Кастильскую. Идеалы Франциска и Клары решила разделить и представительница славянского народа Агнесса Парижская, дочь короля Богемии. Крепкая духовная дружба связала Клару с Агнессой. Она отказалась от трона, под влиянием Клары избрала другой путь – служение Господу. «Бережно сохраняй все, что достигнуто тобой, – писала Клара Агнессе. – Никогда не останавливайся, но посещай с легкой поступью тех, кто боится, что даже пыль дороги может задержать их продвижение вперед; продвигайся уверенно и в радости по пути, избранному тобой, не поддаваясь и не уступая никому, кто хотел бы отвлечь тебя от цели и воспрепятствовать твоему бегу».

Духовная дочь Франциска не уставала открывать для ищущих душ путь, освещенный любовью к Богу и ближнему. Клара и Франциск стояли у истоков столь почитаемого ныне движения христианок за духовное обновление мира.

Утренняя звезда Реформации

В XIV столетии в европейских странах начинают вспыхивать первые зарницы Реформации. Какие же явления порождали их?

Было налицо резкое обострение конфликта между церковными и светскими властями. Притязания римских пап на неограниченное господство наталкивались на сопротивление правителей и простого народа.

В церквях растет духовное запустение. Высшее духовенство, увлеченное борьбой за власть, забывает о своем призвании, не радеет о духовных нуждах прихожан. Погоня за роскошью и материальной наживой поглощает все время многих священнослужителей. Даже монашество заражается алчностью, корыстолюбием, любостыжанием.

Распространение затхлой тлетворной атмосферы встревожило лучшие умы Европы. Советник французского короля Филиппа IV, философ и законовед Петр Дюбуа осуждает стремление римских пап вмешиваться в дела государства. Парижский богослов Марсилиус Падуанский говорит о равенстве всех верующих перед

Богом и подвергает сомнению папские притязания на абсолютную власть. Английский мыслитель Уильям Оккам во всеуслышание заявляет: «Нельзя авторитет папы ставить выше авторитета Священного Писания».

В 1367 году во главе предреформационного движения становится английский богослов Джон Уиклиф. Позднейшие историки назовут его «реформатором до Реформации, лютеранином до Лютера», «утренней звездой Реформации».

Джон Уиклиф впитал в себя свободолюбивый дух Оксфорда. Оксфордский университет был крупнейшим европейским центром научного и духовного просвещения. В те времена в его стенах начисто отсутствовал внешний лоск и блеск. Маститые профессора восседали на грубо сколоченном помосте. Студенты располагались вокруг на простых скамейках. Никого не смущала убогость внешней обстановки. И профессора и студенты более всего ценили атмосферу свободного поиска истины в дискуссиях. Каждый здесь мог высказывать свое мнение, устраивать диспуты, читать проповеди и рефераты на животрепещущие темы. Уиклиф считал богословие царицей всех наук, а духовное звание высшим из всех званий и положений.

Всею душой Джон Уиклиф привязался к профессору Фоме Брэдвардину. Лекции Брэдвардина о всесии Божьей благодати открыли молодому Уиклифу самую суть евангельского учения. Не собственные заслуги приближают к Богу, как трактовала официальная римская церковь, а лишь благодатная милость Божья спасает человека.

Джон Уиклиф глубоко изучает первоисточник христианской веры – Библию. Библейские истины зажгли

в нем священный энтузиазм для произнесения обличительных проповедей. Он служит приходским священником в Лейчестершире, преподает богословие в Оксфордском университете. Весь свой могучий дар проповедника Уиклиф, по примеру библейских пророков, обрушил на искоренение пороков и злоупотреблений в среде духовенства. Главную причину всех зол и грехов смелый пастырь видит в неудержимом стремлении священнослужителей к роскоши и обогащению. «Иисус Христос – Основатель Церкви – был беднейшим. Церковь должна быть бедной, какой она и была в апостольские дни, – учит Уиклиф. – Если ты сделался священником, то должен стараться жить свято. Если имеешь пищу, одежду, то поделись с бедными».

Джон Уиклиф резко порицает внешнее обрядовое, пышные ритуалы и сложные религиозные церемонии, которые собирают множество народа, но не дают духовной пищи и не преображают жизнь. «Как было бы утешительно, если бы церемонии и обряды не увеличивались в церкви, – размышляет Уиклиф. – Священники вместо изучения обрядов принимались бы за изучение Слова Божьего и за проповедь его».

Сочинения Уиклифа с призывом к духовному обновлению и переустройству церковной жизни распространялись по всей Англии и попадали далеко за ее пределы.

Вскоре простые англичане и священники непосредственно столкнулись с необычным нововведением Уиклифа. Заботясь о повсеместной проповеди Евангелия, Джон Уиклиф создает многочисленное общество странствующих проповедников. В английских селах, деревнях и городах вдруг появились странные пришельцы.

Они были одеты в грубую шерстяную одежду, босые, с длинными посохами в руках. Эти проповедники не были похожи на обычных церковных служителей. Они не занимались совершением служб и треб. По замыслу Уиклифа, странствующие проповедники были призваны проповедовать Слово Божье, чтобы английский народ мог сообразовать с ним свою жизнь. Уиклиф начертал для проповедников еще одну всеохватывающую цель: «Своею проповедью они должны возбуждать взаимную любовь и справедливость в христианском мире».

Беседуя с людьми, проповедники пользовались новым переводом Библии. Перевод этот был выполнен Джоном Уиклифом. Нужно было обладать беспримерным мужеством, чтобы пойти наперекор вековым традициям. Ведь духовенство внушало людям, что только священники имеют право читать и толковать Библию. Даже сама идея перевода Священного Писания на народный разговорный язык считалась еретической. В храмах Библия читалась на латыни. Уиклиф же всюду доказывал, что народ имеет право изучать Библию на родном языке. Сам Христос и Апостолы Его, проповедуя Евангелие, использовали понятный народный язык.

Несмотря на возражения противников, Уиклиф с постом и молитвою приступил к переводческой работе. Одно всепоглощающее желание двигало им – исполнить волю Божию и облагодетельствовать английский народ.

Кропотливый подвижнический труд увенчался успехом. Джон Уиклиф показал великий пример последующим реформаторам в других странах. Известно, что все крупнейшие реформационные движения опирались на верующих, читающих и проповедующих Библию на

родном языке. К тому же развитие классической английской литературы началось с Библии, переведенной Уиклифом с латыни на разговорный английский. В истории мировой культуры имя Уиклифа неотделимо от Джеффри Чосера, Уильяма Шекспира, Джона Мильтона.

Современник Уиклифа отец английской поэзии Джеффри Чосер избрал его в качестве прототипа для создания литературного образа приходского священника в «Кентерберийских рассказах». На фоне упадка церковной жизни этот священник являет пример праведного благочестия и твердого стояния в Истине евангельской:

*«Священник ехал с нами приходской,
Он добр был, беден, изнурен нуждой.
Его богатство – мысли и дела,
Направленные против лжи и зла.
Он человек был умный и ученый,
Борьбой житейской, знаньем закаленный.
Он прихожан Евангелью учил
И праведной, простою жизнью жил».*

Живые евангельские проповеди, библейско-богословские трактаты сильно будоражили церковные и светские круги. Из Рима непрерывно шли угрозы в адрес Оксфордского университета и епископа Англии за то, что они позволили такому опасному «еретику» развернуть активную деятельность.

В феврале 1377 года епископ Лондонский Уильям Кортни приказал привести Джона Уиклифа на церковный суд. Уиклиф отправляется в Лондон в окружении многочисленных друзей и единомышленников. А там

уже всю кипят ожесточенные споры по поводу расправы над непокорным проповедником. В защиту Уиклифа вступается сын короля герцог Ланкастерский. Ему удалось разрушить коварные планы епископа и распустить собрание.

Враги и недоброжелатели Уиклифа не успокаивались. Примерно через три месяца Папа Григорий II посылает архиепископу Кентерберийскому, епископу Лондонскому, королю и Оксфордскому университету пять булл против Уиклифа. Усердный пастырь и лучший Оксфордский профессор был объявлен заклятым врагом Церкви и государства. Уиклифа вновь повлекли на церковный суд. Там проповедник бесстрашно заявил обвинителям, что он готов отречься от своих убеждений, если ему докажут их ошибочность и несоответствие Священному Писанию. На суде Уиклиф публично огласил свои взгляды. «Единственным Посредником между Богом и человеком я считаю Господа Иисуса Христа, – утверждал он. – Церковь – это совокупность всех верующих и ее Глава – Христос. Библия должна быть доступной и всенародной книгой».

Судебный процесс неожиданно пришлось прервать. В зал заседаний ворвалась возбужденная толпа народа. Она кричала и требовала отпустить уважаемого пастыря. Тут же явился посланник принцессы Уэльской. Он заявил, что мать короля берет под свою защиту Уиклифа и заранее опротестовывает приговор суда.

Враги настойчиво искали любые лазейки для продолжения преследований Уиклифа. А тут как раз разразилось крестьянское восстание под предводительством Уота Тайлера. Противники Уиклифа не преминули объявить его идейным вдохновителем мятежников.

Многие защитники поспешили отказаться от дружбы с Уиклифом.

Давний враг проповедника епископ Кортни к тому времени стал главой английской церкви. Он созывает новый собор для осуждения учения Уиклифа. Начало очередного суда совпало с сильным землетрясением. Грозное явление силы Божьей не остановило инициаторов суда. Кортни вынудил собор наложить обвинительный вердикт на учение Уиклифа о необходимости полного обновления Церкви.

Ярые противники реформаторских идей так и не смогли окончательно расправиться с Уиклифом при жизни. Авторитет проповедника был столь велик, что врагам не удалось приостановить его служение.

С надломленным от бесконечных терзаний здоровьем, Уиклиф продолжал проповедовать в своем приходе и писать трактаты до самой кончины. В последнем трактате он подробно истолковывает Нагорную проповедь Иисуса Христа, подчеркивая, что она «имеет такое высокое и всеобъемлющее значение, что вполне достаточна для руководства человека в нравственной жизни и для достижения вечного блаженства без прибавления человеческих преданий».

29 декабря 1384 года Джона Уиклифа настиг апоплексический удар, и на третий день душа проповедника оставила юдоль земную.

Враги Уиклифа попытались уничтожить даже всякую память о нем. Через тридцать лет Констанцский собор постановил сжечь останки Уиклифа и все его книги. Немало последователей Уиклифа претерпели тогда мученическую казнь на кострах инквизиции в Англии.

Несмотря на все злобные усилия противников, труды Уиклифа не канули бесследно в Лету. Они подготовили большие духовные и социальные преобразования в Англии и в других странах.

Семена евангельского учения, посеянные Джоном Уиклифом, дали со временем могучие всходы почти во всех странах Европы. «Не будь удивительного Уиклифа как христианского новатора, может быть, не было бы ни Гуса в Богемии, ни Иеронима Пражского, и имена Лютера и Кальвина, может быть, не были известны», – отмечал английский поэт Джон Мильтон. Выводы Мильтона подтверждает вся последующая история христианства. Джон Уиклиф по праву стал утренней звездой западноевропейской Реформации.

Проповедник Вифлеемской часовни

В библиотеке Пражского университета хранится старинный сборник богословских трактатов. Толстенный фолиант украшен оригинальной художественной миниатюрой. Художник изобразил на ней три известных духовных лица позднего Средневековья. Англичанин Джон Уиклиф высекает огонь из кремня, чех Ян Гус зажигает угли, а немец Мартин Лютер держит в руках пламенеющий факел.

Как случилось, что Ян Гус оказался учеником английского реформатора Джона Уиклифа? Лондон и Прага сблизились в результате брака сестры чешского короля Вацлава IV Анны с английским королем Ричардом II. Молодые чехи становятся студентами Оксфордского университета. Они-то и привезли в Чехию копии трактатов Уиклифа. В лице их автора Ян Гус сразу почувствовал единомышленника. Переписывая от руки сочинения богослова, Гус делает восторженные заметки на полях: «О, Уиклиф, Уиклиф! Не одному человеку ты сумел вскружить голову! Золота стоит то, что здесь написано! Пусть Господь даст Уиклифу Царствие Небесное!»

Гус не раз высказывал, как ему хотелось, чтобы его душа была на небе вместе с душой Уиклифа. Следуя по стопам английского реформатора, Ян Гус, священник и профессор Пражского университета, вступает на поприще народного проповедника.

Местом борьбы Яна Гуса за обновление Церкви и спасение душ становится Вифлеемская часовня в Праге. Часовня эта не считалась частью храма. Ее возвели энтузиасты-доброхоты на одной из городских площадей специально для проповеди. «Господь завещал нам, чтобы Слово Божие не было связано и служило бы Церкви и членам ее успешнейшим образом», – заявляли строители.

И Ян Гус, и его соратники были обеспокоены тем, что во многих христианских храмах проповедь служит лишь небольшим приложением к богослужению. Короткая проповедь, да к тому же наполненная только рассказами из жития святых и отвлеченными скучными рассуждениями, не отвечала духовным запросам слушателей и не соответствовала библейским принципам.

Проповеди Яна Гуса коренным образом отличались от общепринятых. Тысячи горожан спозаранку торопились на площадь и ждали, когда откроется дверь прилегающего к часовне домика и оттуда выйдет худощавый человек с открытым лицом и задумчивым взглядом. Быстро поднявшись на высокую кафедру, он сразу приковывал внимание многолюдной толпы к Слову Божьему. Истолкование библейских истин Гус иллюстрировал примерами, взятыми из жизни ремесленников, студентов, бедноты. «Проповедник обо мне говорит, о моих заботах, горестях и надеждах», – отмечали

слушатели. Наконец-то жители Праги услышали живое, вдохновенное слово, идущее от сердца к сердцу, обращенное к народу. «Громозвучная сигнальная труба», «неутомимый глашатай Правды», «уста Божии» – такими возвышенными эпитетами награждали слушатели смелого проповедника.

Корыстолюбие, жадность, карьеризм – вот пороки, которые не уставал бичевать Ян Гус. Они тем более заразительны, когда входят в среду высшего духовенства. «Раньше священники вопрошали себя, достойны ли они духовного звания, – говорил проповедник. – Святые бежали от епископства, как святой Григорий, а святой Марк-евангелист отрубил себе палец, лишь бы не сделаться епископом. О, как мало теперь тех, кто укрывается от епископства и пальцы отсекает, дабы избежать этого».

Корень всех зол, считал Ян Гус, – сребролюбие. «Богатство отравило и испортило Церковь Христову, – проповедовал он. – Откуда войны, отлучение, ссоры между папами и епископами? Откуда подкуп? Все от этого яда».

Задолго до Мартина Лютера Ян Гус сурово изобличал продавцов индульгенций. Он видел в этой практике лишь жажду наживы и грубое извращение заветов Евангелия. «Если так продавать отпущение грехов, тогда и сам дьявол мог бы явиться, дать деньги и тотчас попасть на небо», – возмущался Ян Гус.

Корыстолюбивое духовенство всегда опиралось на невежество и суеверия, всячески возбуждая в народе нездоровый интерес к мнимым чудесам. «Требование чудес есть доказательство маловерия, – объясняет Ян Гус. – Истинному христианину не надо ни знамений, ни чудес. Если бы священники твердо держались

Евангелия, они предпочли бы говорить народу об учении Христа, вместо того чтобы рассказывать о мнимых чудесах».

Народ жадно внимал словам Гуса, проповеднику симпатизировали князья, члены королевской семьи. Королева София даже назначила его своим капелланом и духовником. Проповеди Гуса вызвали брожение и в церковных кругах. По инициативе Пражского архиепископа Збынека был созван синод для исправления Церкви. Ян Гус произносит на заседании синода обличительную речь: «Да исследуем сами себя, о священнослужители! Не отпали ли мы от закона христианского? Ибо охладела Церковь, столь пламенная и горячая в Апостолах и мучениках. Исполненные Духа Святого, отдавали они предпочтение духовному перед светским. В наши же времена, увы, любовь к Богу остыла настолько, что почти все наши заботы и устремления направлены на то, чтобы копаться в мирском мусоре».

Участники синода в большинстве своем не поняли Яна Гуса. С каждым днем у проповедника росли скрытые и явные противники. Они будоражили народ и дворянство. Зачем осуждать священников? Почему Ян Гус допускает приток в храм народных духовных песен на чешском языке? И сам сочиняет песни на родном языке? Почему он унижает высокопоставленных духовных лиц, говоря, что Глава Церкви – Христос, а Церковь – это сообщество всех верных Христу?

Претензии недоброжелателей постепенно перерастали в обвинения. Противники Гуса писали доносы в Рим, требуя решительных мер против него.

Вскоре был наложен запрет на проповеди в часовнях. Испугавшись гнева папы Александра V,

архиепископ Збынек отвернулся от Яна Гуса и приказал сжечь все сочинения Джона Уиклифа. «А я желаю слушать более Бога, нежели людей, и подражать Христу», – заявил Ян Гус, продолжая проповедовать в Вифлеемской часовне. На голову Гуса посыпались угрозы, заклятия и всяческие унижения.

Из Рима пришел грозный приказ: «Да не посмеет никто под страхом отлучения от Церкви подать ему хлеб, напоить его водою или принять его под свой кров». Гусу предписывалось явиться на папский суд в Риме. Ян Гус не подчинился приказу. Он покинул Прагу и ушел в Южную Чехию, в провинцию.

Проповедника приютили в крепости Табор. Там он отдался активной литературной деятельности. Из-под пера Гуса вышли духовно-назидательные сочинения, предназначенные разным сословиям. Не прекратилась и устная проповедь Гуса. Теперь народ собирался под раскидистыми ветвями липы. Некоторые целые сутки шли пешком ради того, чтобы услышать живое слово из уст гонимого проповедника. «Молитесь за тех, кто возвещает Правду, и за меня, чтобы я усерднее писал и проповедовал, – просит он в письме своим пражским друзьям. – Я же пойду на смерть, если таково будет милосердие Божие».

Плотный клубок враждебных интриг продолжал нарастать вокруг непокорного проповедника. Враги искали повод предать Гуса на расправу церковным и светским властям. И такой случай представился. Осенью 1414 года Ян Гус получил приглашение прибыть в Германию, в Констанц, на церковный собор. Император Сигизмунд обещал ему личную защиту и безопасность. Гус долго колебался. Цели у собора вроде бы благие –

покончить с троепапством, утвердить одного папу, провести реформы Церкви. «Пусть меня будут судить, но зато я получу возможность обнародовать веру, кою исповедую», – рассуждал Ян Гус. И он отправился в дальний путь.

Только месяц позволили чешскому проповеднику прожить в полном покое на частной квартире в Констанце. Однажды у дверей жилища появилась стража, Ян Гус был арестован и брошен в монастырскую тюрьму. Узника мучили почти непрерывными допросами. К допросам прибавлялись болезни: неимоверная зубная боль, лихорадка, заболевание печени. Несмотря на все напасти, Гус и здесь старается быть полезным людям. В круг его пастырских забот вошли тюремные стражники. Кроме повседневных бесед, они получили из рук Яна Гуса специально написанные для них трактаты: «О покаянии», «О грехе», «О браке».

Семь месяцев томился Ян Гус в холодной смрадной темнице. Когда допросы закончились, измученного узника повлекли на суд собора. Собор был на редкость широкомасштабным. В Констанц приехали представители всех государств Европы. Император Сигизмунд возглавил светскую знать. Сотни епископов, докторов богословия, 33 архиепископа, 30 кардиналов, четыре патриарха и папа Иоанн XXI заседали вместе.

На соборе кипели страсти, явно не духовного характера. Налицо обозначилось простое столкновение светской и церковной власти. Дело Гуса, по замечанию историков, оказалось всего лишь «малым зернышком меж жерновами». На разбор дела чешского проповедника потратили около недели. Не вдаваясь в подробности и детали, суд собора сразу предложил Гусу отречься

от своих взглядов. «Я это сделаю, – спокойно отвечал Гус, – при одном условии: если суд докажет ошибочность моих убеждений на основании Священного Писания». Судьи пропустили мимо ушей просьбу Гуса. На подобных разбирательствах они действовали по принципу члена папской комиссии француза Жерсона: «С еретиками не объясняются, еретиков жгут». На сторону несправедливых судей встал император Сигизмунд, обещавший ранее покровительство и защиту Яну Гусу. Активный правдолюбец явно не устраивал верховного правителя. Он поддерживал обвинителей Гуса.

Суд постановил: лишить Яна Гуса звания священника и предать светским властям для публичного наказания.

В многолюдном центре Праги, напротив гражданской ратуши возвышается необычный памятник. На высоком лобном месте из груды вязанок дров и соломы вырастает одетая в рубище мужественная фигура провозвестника евангельской правды. Этот монумент напоминает о зловещем костре, который полыхал в предместье города Констанца на берегу Рейна 6 июля 1415 года. Сквозь гудящее пламя неслись отрывистые слова молитвы. Накрепко привязанный мокрыми веревками к столбу, Ян Гус славил Творца за мученический венец. Палачи застыли от удивления, когда изнемогающий человек, собрав последние силы, воскликнул в полный голос: «Прости им, Господи, ибо не знают, что делают! В руки Твои предаю дух мой! На правде сей готов с веселием умереть ныне...».

Неизгладим в памяти славянских народов жертвенный подвиг и деяние чешского реформатора. Еще при жизни его сочинения распространились в украинских

и белорусских землях. Сподвижник Яна Гуса Иероним Пражский доставил его книги в Витебск и Псков. А в рукописном отделе Петербургской публичной библиотеки хранится дар чешских ученых: сборник проповедей, произнесенных Гусом за четыре года до гибели.

В феврале 1924 года в Праге от духовных преемников Яна Гуса принимал пастырское и миссионерское рукоположение великий проповедник-евангелист из России Иван Степанович Проханов. Размышляя о Божьем Промысле в истории, Проханов писал: «Евангельское движение в Чехии, начавшееся при Гусе и Хельчицком, соединилось с русским евангельским движением через века и страны. Один их источник – Евангелие, и один их Учитель – Христос».

Пророк и реформатор

Древнейший итальянский город Флоренция во все века притягивал путешественников. Многие из них, по замечанию Стендаля, поражал «синдром красоты». От неохватной громады дворцов, соборов и многочисленных скульптурных композиций на самом деле веет внушительной красотой.

Но в этой красоте присутствует дух мрачной суровости и даже трагизма. Выходя из узких улочек на площадь Синьории, путешественник может случайно наткнуться на темную плиту. Надпись на плите гласит: «Здесь 23 мая 1498 года был сожжен Джироламо Савонарола».

Личность Савонаролы до сих пор является загадкой. О нем спорят политики, богословы, философы, историки. Одни считают его святым, пророком, ученым. А другие видят в нем фанатика, экзальтированного проповедника, врага науки и искусства.

Столь противоречивые оценки, несомненно, связаны с необычайной судьбой этого человека. Юный Джироламо, воспитанный в строгой христианской семье,

сильно тяготился атмосферой беззакония, распущенности, безудержного корыстолюбия. Такая атмосфера царила не только в светском обществе, но и в кругах церковных, среди духовенства. В первых юношеских стихотворениях Савонарола клеймит коррупцию, стяжательство, обличает нерадивых священников. Представляя Церковь в образе чистой Девы, он обращается к ней с вопросом: «Где твои учителя? Где чистое учение? Где милосердие и первоначальная чистота?» В ответ Дева ведет его в пещеру и говорит: «Когда я увидела, что гордость и властолюбие проникли в Рим и все там осквернили, я ушла и заключилась в этом месте, где и провожу жизнь в плаче».

В душе Савонаролы зреет желание посвятить себя целиком служению Богу. Все явственнее он обнаруживает в себе призвание к монашеской жизни. На окончательное решение повлияли слова проповедника, случайно услышанные им в церкви: «Оставь землю свою и дом отца твоего, иди в ту землю, которую я тебе укажу».

Савонарола буквально бежал из родительского дома, ни с кем не попрощавшись. Из Феррары он направляется в Болонью и там поступает в доминиканский монастырь, позже в письме объяснив отцу свой поступок: «Первая причина, побудившая меня избрать монашескую жизнь, такова: величайшее бесславие мира и бесчестье людей... Осознав, что меня призывает Бог и что Он не погнушался стать рабом среди нас, низких червей, я почувствовал, что не могу не подчиниться Ему, взывающему по-отечески: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные».

В монастыре Савонарола с головой погружается в изучение Священного Писания и христианского

богословия. Донуны в храме Евангелиста Марка в Венеции хранится Библия, густо испещренная пометками Савонаролы.

По решению Совета настоятелей молодого преподавателя богословия и проповедника в 1482 году переводят во Флоренцию. Там Савонарола начинает преподавать богословские науки в известном монастыре святого Марка.

Молодой проповедник обладал необыкновенным влиянием на людей. Как-то он путешествовал на судне по реке По. С ним вместе оказались восемнадцать солдат, которые вели себя очень грубо и агрессивно. Савонарола попросил их уделить ему полчаса внимания. Солдаты разом затихли, смирились перед Богом, и одиннадцать из них в слезах сокрушения пали на колени, умоляя Бога простить их за злые проступки.

Один из друзей проповедника блестящий ученый Джованни Пико делла Мирандола вспоминал, что, слушая проповеди Савонаролы, он ощущал шевеление волос на голове и мороз по коже. Опираясь на Священное Писание, проповедник изрекает смелые пророчества. Он предупреждает жителей Флоренции о нашествии французов, предсказывает кончину князей, чуму, мор и голод. На каждой проповеди Савонаролы присутствовали до пятнадцати тысяч слушателей. В кафедральном соборе выстраивали дополнительные помосты для размещения народа. Огненному слову Савонаролы с верой внимали не только простые горожане, но и люди высокообразованные. Среди них Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино, Михаил Триволис, прозванный в России Максимом Греком. Этот ученый монах не раз приводил в пример русским людям

самоотверженное служение мужественного проповедника-доминиканца.

Пророчества Савонаролы сбывались. В 1494 году в Италию вошли французские войска. Король Карл VIII осадил Флоренцию. Вместо защиты города разбушевавшиеся толпы ринулись устраивать погромы. Разгоряченные жаждой легкой наживы, бунтовщики были остановлены действенным словом Савонаролы. Проповедник удержал народ от кровопролития. Ему удалось даже пробраться в лагерь французского короля. «Ты – орудие в руках Господа, – обратился изможденный монах к властителю. – Если ты не станешь уважать Флоренцию и ее свободу, то Господь наложит на тебя Свою гневную десницу и смирит тебя страшными наказаниями». Грозное увещание посланника Господа расстроило планы Карла VIII. Он стал подумывать о заключении союза с Флоренцией.

На волне смут, междоусобиц, общественного неурядиства Савонарола неожиданным образом оказался в гуще политической жизни. Во время очередной проповеди на площади он, держа распятие в руках, воззвал к народу: «Флоренция, вот Царь Вселенной, Он хочет быть и твоим Царем! Желает ли ты иметь Его?». «Да!» – единым духом взорвалась площадь.

Став фактически у руля республики, Савонарола, тем не менее, решительно отказывался от ведения государственных дел. Исполняя волю Господа, он хотел быть лишь народным советником по примеру библейских пророков. И все-таки отмежеваться окончательно от составления программ политических Савонарола не смог.

Проповедник проявил себя мудрым законодателем. Он даже написал трактат о государственном устройстве

Флоренции, заложил основы республиканской формы правления, встал на защиту прав флорентийского народа. Всю жизнь города Савонарола хотел преобразовать на христианских началах.

Самой успешной оказалась так называемая «детская реформа» Савонаролы. Дети Флоренции, а к ним относилась молодежь подросткового возраста, привели в изумление весь тогдашний христианский мир. Они принесли торжественные клятвы об отказе от игр, связанных с драками и побоищами. Исполняя советы Савонаролы, молодежь организовала отряды милосердия, устраивала религиозные праздники, народные карнавалы с пением христианских гимнов.

И, конечно, наипервейшей заботой Савонаролы была забота об улучшении церковной жизни. Он решительно требует лишить Церковь всех материальных богатств и возвратиться к простоте и бедности первых веков. Савонарола распродал все имения и ценности монастыря святого Марка, а вырученные деньги раздал бедным. Обличая изнеженных и нерадивых пастырей, проповедник старается искоренить формальное обрядоверие. «Вы ввергли народ сей в гроб обрядности, гроб этот нужно разбить, ибо Христос хочет воскресить Церковь Свою в Духе», – неустанно проповедует он. Савонарола не льстил никому. Возвещая Истину, он бичует пороки светских вельмож и высокопоставленных иерархов Церкви. «Я вижу, как разрушен весь мир, как безнадежно попорчены добродетели и добрые нравы. Благоденствует только тот, кто живет грабежом, питается кровью ближнего, обирает вдов и сирот», – безбоязненно твердит проповедник.

День ото дня множатся враги Савонаролы. Во главе их двор Медичи и тогдашний папа Александр Борджиа. Папа пытается смирить пыл проповедника предложением кардинальской шляпы. «Сохрани меня Бог от такой шляпы, – ответил Савонарола. – Если мне суждено носить красную шляпу, то пусть она будет выкрашена моей кровью, кровью мученика».

Папа придумал другой ход. Он провозгласил отлучение Савонаролы от Церкви. «Несправедливое отлучение не имеет никакой силы», – смело заявил опальный проповедник.

Непреклонная позиция Савонаролы еще более подогрела ненависть и коварство врагов. В народе усиленно распространялась гнусная клевета против него. Слуги двора Медичей подкупали народ, толкая его к беспорядкам. А тут еще вспыхнула чума. Разгорелся очередной бунт. Озлобленных горожан бросили на штурм монастыря святого Марка. Савонарола безропотно отдал себя в руки злодеев. Его заковали в цепи, заточили в тюрьму, подвергая нечеловеческим пыткам.

Савонароле и его двум друзьям, Доменику и Сильвестру, был вынесен смертный приговор. Накануне казни Савонарола пел слова псалма: «Господь есть мой свет – кого мне бояться?»

Перед Праздником вознесения 23 мая 1498 года узников повели на площадь Синьории для казни. Непокоренных свидетелей Христа на глазах тысячной толпы повесили, затем сожгли, а пепел бросили в реку Арно.

Современный путешественник, оказавшийся во Флоренции на площади Синьории, может воочию лицезреть необычное зрелище. Древняя площадь заполняется странными процессиями. Вот медленно и

благоговейно движется шествие монахов: с белыми лилиями в руках идут монахи-доминиканцы из монастыря святого Марка, за ними – монахи-францисканцы. Замыкает шествие волна молодежи. У них в руках горящие факелы. Так отмечает нынешняя Флоренция дни памяти великого проповедника, который был светильником горящим и светящим (Ин. 5:35).

Вождь Реформации

Маленький немецкий городок Эйслебен 10 ноября 1483 года стал местом рождения великого реформатора.

Для избавления Церкви от духовного застоя, засилья формализма и внешнего обрядоверия Бог избрал крестьянского сына. Его звали Мартин Лютер. Простонародное происхождение довольно ярко проявлялось в характере и деяниях реформатора. Крестьянская натура определила невероятное трудолюбие Мартина, практический взгляд на вещи, стойкость и терпение в перенесении лишений и невзгод. В нем жила и дышала вся сельская природа с полями, землями, родниками. Когда Лютер выступил на защиту учения Христа, в сердце его бурлила и клокотала народная стихия. Слово реформатора напоминало ароматно пахнущий свежее испеченный крестьянский хлеб. Оно изобиловало пословицами, поговорками, искрометным юмором, меткими народными выражениями. Да и сам он, крепко сбитый, коренастый, с грубоватым лицом и горящими глазами, был воплощением духовной и физической силы.

Неповторим духовный путь Лютера. Он явно направлялся Высшей волей. Успешно окончив Эрфуртский университет, Лютер внезапно, без согласия родителей уходит в августинский монастырь. Что побудило его решиться на такой шаг? Однажды в университетской библиотеке он случайно наткнулся на Библию. До этого понятия Лютера о религиозной жизни носили поверхностный, отрывочный характер. Но чтение Библии привело его в трепет, заставило глубоко задуматься о Боге и жизни. В то время неожиданно, почти на глазах умер один из университетских товарищей Лютера. Было и еще одно сильное потрясение, которое испытал молодой человек. Как-то страшная гроза настигла Мартина в открытом поле. Оглушительные удары грома раздавались, как пушечные залпы. Ослепительная молния ударила в нескольких шагах от путника. Мощная ударная волна воздуха сбила Лютера с ног.

«Что будет со мной, если я вдруг предстану перед Всемогущим Богом?» – мысль эта неотступно терзала душу. Она повела Лютера в пределы монастырских стен. Ради достижения духовного совершенства новый монах изнурял себя голодом, холодом и бдениями. По его собственным словам, он искренне намеревался «приступом взять Царство Небесное». Однако не было уверенности, что его подвиги угодны Богу. Душа Лютера по-прежнему оставалась в смятении и беспокойстве. И тут на помощь измученному монаху пришел генеральный викарий ордена монахов-августинцев Иоганн Штаупиц. Он стал первым духовным отцом Лютера. Спокойные беседы с мудрым наставником помогли Лютеру лучше понять Библию и открыть Бога в ином свете. Бог всегда представлялся Мартину в образе грозного Судьи.

Но теперь Лютер узнал Бога любви и милосердия. Вера в Иисуса Христа как Любящего Господа, оказывается, и есть тот спасительный канат, за который можно ухватиться. «Праведный верою жив будет» – эти слова пророка Аввакума неоднократно в разных вариациях воспроизвел в своих Посланиях Апостол Павел. Они же запали и в душу Лютера, стали крылатой фразой Реформации и основной вероучительной доктриной богословия протестантизма.

Лютер изначально не помышлял о какой-либо ведущей роли в деле Реформации. Она явилась перед ним совершенно неожиданно. Жители Виттенберга, где Лютер служил священником, однажды заговорили о приезде монаха Иоганна Тецеля. Этот монах направо и налево продавал индульгенции, то есть папское отпущение грехов. Тецель беззастенчиво внушал простодушным горожанам, что достаточно заплатить определенную сумму денег и твои грехи автоматически прощаются. А если хочешь не только себе, но и своим родственникам обеспечить местечко в Царстве Небесном, то вноси и за них денежки. «Едва только твои деньги звякнут в моей кассе, как душа твоего грешного папаши мигом выпорхнет из чистилища», – уверял немцев ловкий коммерсант от религии.

Вопиющие злоупотребления возмутили Лютера. Он во всеуслышание заявил, что продажа индульгенций и подобные комментарии к торговле ими – грубое искажение библейского учения о спасении души. В пламенных обращениях к народу Лютер призывал к сердечному покаянию, сокрушению и отвращению от грехов. Только таким путем можно обрести прощение у Бога.

Принято считать, что с 31 октября 1517 года начинается широкое распространение знаменитых 95 тезисов Лютера. День этот и поныне в странах Европы и Америки отмечают как Праздник Реформации. Тезисы Лютера провозглашали свободу совести, авторитет Библии, осуждали внешнюю набожность и церковные злоупотребления. «Ибо благодеяниями приумножается благодать и человек становится лучше; посредством же индульгенций он не становится лучше. Должно учить христиан: тот, кто, видя нищего и пренебрегая им, покупает индульгенции, не папское получит прощение, но гнев Божий навлечет на себя».

По всей Германии и сопредельным странам вместе с тезисами распространяются горячие статьи и памфлеты Лютера. Он выступает против крайнего аскетизма и монашества, отвергает традицию поголовного безбрачия священников. И сам, несмотря на кривотолки, заключает брак с бывшей монахиней Екатериной. Все обряды и священнодействия Лютер сводит только к двум – Крещению и Причастию. Он убирает алтарные перегородки в храмах, подчеркивая тем самым равенство всех верующих перед Богом. Не церковь, не обряды и не священники спасают души, а только Господь. И сознательная, живая, плодотворная вера в Него.

Рим был крайне обеспокоен новаторскими деяниями Лютера. В Виттенберг приходит папская булла с отлучением ревностного проповедника от Церкви. Это не обескуражило Лютера, а, наоборот, придало ему больше силы и смелости. Он созывает народ на площадь и на глазах у всех бросает папскую буллу в костер.

Ярый приверженец папы молодой император Карл V решил сломить непокорного реформатора. Ради этого

он назначает собор в Вормсе. Туда под усиленной охраной привозят Мартина Лютера. В резиденции епископа высшие церковные и государственные сановники. Рядом с императором восседали герцоги, архиепископы, князья, графы. Указывая на стол, где лежали сочинения Лютера, председательствующий спросил: «Готовы ли вы отречься от всех писаний ваших?». «Неправедно делать что-либо против совести. На том стою и не могу иначе. Помогите мне Бог!» – после недолгих размышлений произнес Лютер исторические слова.

Вормский рейхстаг объявил Лютера вне закона, а книги присудил к уничтожению.

Под конвоем солдат императора Лютер возвращается в Виттенберг. И тут случается неожиданное. Из лесной чащи вдруг выскочил отряд вооруженных всадников. Они оттеснили конвой, ловко схватили Лютера, отправив пленника в горы Тюрингии, в замок Вартбург. Там Лютера переодели и переименовали в «рыцаря Георга». Его захват и заточение устроил один из сторонников и доброжелателей, влиятельный князь Фридрих Саксонский. А в народе пронесся слух об убийстве Лютера. Скорбь народа изрекли уста художника Альбрехта Дюрера: «О Боже, если Лютер мертв, кто отныне будет так ясно излагать нам Святое Евангелие? О Господи, что бы он мог еще написать нам за десять или двадцать лет! О вы, христиане, помогите мне достойно оплакать этого человека, исполненного Духа Божьего».

Между тем в замке Вартбург особое вдохновение осенило Лютера. С пылом души он взялся за перевод Библии на немецкий язык. Известно, что в начале XVI столетия уже существовало довольно много переводов Священного Писания на немецком. Почему именно

перевод Лютера стал особым историческим и культурным явлением? Прежние переводы представляли собой «кальку» с Вульгаты (латинского перевода), а Лютер воспользовался греко-латинским изданием Нового Завета Эразма Роттердамского. Немаловажное значение имело то, что Лютер отлично знал и прекрасно владел живым народным языком. Он очень тонко чувствовал все его богатые оттенки и переливы. Берясь за перевод Священного Писания, Лютер смог во всей полноте выразить могучий дух Библии, ее красоту, музыкальность и поэтичность. И к тому же, благодаря его упорному труду, Библия вошла в каждый дом. «Простая дочь мельника, ежели она верует, может ее правильно понимать и толковать», – утверждал Лютер.

Среди многочисленных дарований не последнее место занимают музыкальные таланты Лютера. Уже при жизни он прослыл отцом церковного пения. Когда-то в ранней юности он зарабатывал пением духовных стихов перед окнами горожан. Позже, на закате дня из раскрытых окон дома Лютера лилась музыка и песни. По натуре он был веселым и общительным человеком. «Ты можешь позволить себе всякую радость в мире, если она не греховна, – говорил он. – Любвеобильному Богу приятно, когда ты от глубины души радуешься или смеешься». Лютер часто пел, играл на лютне, устраивал в доме концерты с привлечением детей и студентов богословия. Занимаясь церковными реформами, он не побоялся ввести в богослужение народные песни. На основе песенного фольклора Лютер создал протестантский хорал, подготовил и опубликовал сборник из 23 духовных песнопений. Широко известен хорал Лютера «Господь – убежище, покров», который стал знаковым гимном

Реформации. Историки и музыковеды называют это сочинение «великим гимном великого человека великой Реформации». В духе реформаторских деяний Лютера расцвело творчество Иоганна Себастьяна Баха. Целые школы крупнейших мировых композиторов выросли в церквях Реформации. В дни Лютера раздавались голоса, которые требовали убрать художественное пение из храма. У Лютера же был иной взгляд. «Я не придерживаюсь мнения тех, кто думает, что Евангелие уничтожит все искусство, как считают некоторые святоши, – утверждал он. – Но я очень хотел бы видеть искусство, и особенно музыку, на службе у Того, Кто их создал и дал нам».

В историю европейской общественной мысли и культуры Мартин Лютер вошел как реформатор системы образования, выдвинувший на первый план развитие интереса к изучаемым предметам, старавшийся ввести преподавание тех дисциплин, которые обогащали бы душу и разум полезными знаниями. Убеждая жителей немецких городов строить школы, Мартин Лютер писал: «Где на построение городов, крепостей, памятников, арсеналов расходуется одна золотая монета, там нужно израсходовать сто золотых монет на правильное образование одного юноши, который, возмужав, может показывать путь другим ко всему честному. Ведь добрый и мудрый муж есть драгоценнейшее сокровище всего государства; он имеет большее значение, чем блестящие дворцы, груды золота и серебра, медные ворота и железные засовы».

Начиная с 1522 года Реформация уже шла не одним путем, а несколькими течениями. Среди реформаторов появляются очень влиятельные лидеры: Ульрих Цвингли, Жан Кальвин. Образуются три отдельные ветви: лютеранство, кальвинизм, анабаптизм. В шлейфе

Реформации появляется много негативных явлений. Сильную тревогу и постоянное беспокойство вызывали у Лютера и его ближайших сподвижников вести о волнениях крестьян, о неправильно понятом учении об оправдании верой частью простого народа. «Крестьяне чрез Евангелие сделались теперь необузданными, думая, что могут делать все, что угодно, – писал Лютер. – Они не боятся и не страшатся ни ада, ни чистилища; они говорят: «Я верую, поэтому буду спасен». Соратник Лютера Филипп Меланхтон тоже очень переживал по поводу грубо искаженного воплощения евангельской проповеди: «Меня объемлет ужас, когда я размышляю о состоянии настоящего времени. Никто так не ненавидит Евангелие, как те, которые хотят казаться принадлежащими к нашей партии».

Конечно, причиной распушенности нравов было не только искаженное донельзя восприятие Евангелия, но и войны, и различные социальные катаклизмы. Чаще всего любители распушенной жизни просто прикрывались учением Лютера и других реформаторов о евангельской свободе.

Вне сомнения, в деяниях Лютера и его сподвижников намного больше позитива, нежели негатива. О благотворных плодах Реформации пишут не только протестантские историки и богословы, но и выдающиеся представители иной конфессиональной ориентации и других религиозных традиций.

«Прямым результатом воздействия Слова Божия, а также лежащего в основе протестантской идеи стремления к одухотворению религиозной жизни явились исторически неопровержимые образцы высокой нравственности и тесного взаимопроникновения веры и жизнедеятельности, какими могут служить не только

отдельные личности, но и целые общины и даже крупные религиозные объединения кальвинистов, пуритан, пресвитериан, баптистов, – писал известный ученый, профессор Ленинградской духовной академии епископ Михаил (Мудьюгин). – Что касается богословия, то наряду с отрицательными течениями, принесшими много вреда христианскому делу, протестантское богословие имеет неопределимые заслуги, важность и значение которых выходит далеко за пределы самого протестантизма и с должной объективностью признается также православным и католическим миром. Глубокий экзегезис Священного Писания, солидные исагогические исследования, всесторонний анализ и разработка многих важнейших догматических проблем, большие достижения в области практического богословия, создание нового стиля христианской проповеди – все это, несомненно, является неотъемлемой заслугой протестантизма, свидетельством чему может служить широкое использование протестантских источников православными и католическими богословами».

Взявшись за основательную разработку библейского богословия и устремляясь к идеалам первоначального христианства, вожди Реформации не только образовали новую ветвь в мировом христианстве, но и оказали сильнейшее влияние на духовное обновление католицизма. Католические монастыри очистились от аморальных лиц и стали превращаться в очаги богословской науки, центры милосердия и благотворительности. Существенно изменился в лучшую сторону и сам облик католического духовенства.

У Мартина Лютера, признанного вождя Реформации, был сложный характер. Не менее сложной была

сама эпоха и ее дух: постоянные междоусобицы, столкновения различных религиозных групп и политических сообществ. Последние годы Лютер трудился как пастырь, богослов и университетский профессор. «Вот вам чудная книга, – говорил он студентам о Библии на лекциях. – Дай вам Бог после меня лучших учителей, а я уже устал, не могу более, да сподобит Он меня доброй блаженной кончиной». Кончина наступила 18 апреля 1546 года в родном Эйслебене, куда он приехал с миссией примирения для разрешения спора в графском доме Мансфельдов. Перед смертью Лютер молился вслух и благодарил Бога за то, что Он открыл ему Своего Сына, Которого он исповедовал и любил. «Господи Иисусе, прими душу мою в руки Твои, – говорил он. – Оставляя сие тело мое, знаю, что я у Тебя буду жить вечно». После молитвы он троекратно произнес золотой стих Библии:

*«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына
Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий
в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».*

(Ин. 3:16)

Друзья Лютера, Ионас и Целий, обратились к умирающему с вопросом: «Остаетесь ли вы неизменно со Христом и учением, вами преподанном?» «Да», – ответил он, и это было последним словом великого реформатора.

Бурная жизнь Мартина Лютера была подобна пылающему факелу. Где же черпал он силу и мужество в борьбе за продвижение Евангелия? «Если бы кто-нибудь постучал в мою грудь, – признался он однажды, – и спросил, кто здесь живет, я бы не сказал: Мартин Лютер, я бы ответил: здесь живет Иисус Христос».

Женевский реформатор

В конце первой половины XVI века бурное развитие Реформации вступило в новую фазу. Первоначально реформационные движения за духовное обновление Церкви несли ярко выраженную национальную окраску. И в Чехии, и в Германии, и в других странах умы реформаторов занимала идея достижения полной независимости своих соотечественников от римской папской курии. Реформаторы, таким образом, пополняли ряды национальных героев. Когда же Реформация, выплеснувшись за пределы Германии, стала охватывать широкие европейские пространства, появилась необходимость в духовных вождях иного, более универсального склада. К тому же для закрепления принципов и доктрин Реформации нужны были не только зажигательные проповеди, но и стройная организация новых церквей и тщательно продуманная научно-богословская система протестантского вероучения. Эта невероятно тяжелая и ответственная миссия выпала на долю великого женевского реформатора Жана Кальвина.

Будущий реформатор родился 10 июля 1509 года во французском городе Нуйаоне в семье государственно-го чиновника довольно высокого ранга. Вечно занятый на службе отец воспитанием детей почти не занимался. Мать Жана умерла очень рано, и опеку над талантливым мальчиком взяло одно аристократическое семейство. Высокие покровители дали ему первоначальное образование, привили утонченные, изысканные манеры. Впоследствии этот аристократизм резко отличал Кальвина от его немецкого предшественника Мартина Лютера.

Юный Кальвин успешно обучался в различных школах, коллегиях и университетах Франции. Однако среди сокурсников он чувствовал себя чужаком. Они смотрели на него как на белую ворону. Ведь Кальвин был человеком набожным, вел тихую сосредоточенную и уединенную жизнь. Часто серьезный и строгий не по годам, он выказывал в адрес студентов суровые обличения. А это, естественно, вызывало неприязнь, насмешки. В отместку за нравоучения студенты наградили юного моралиста прозвищем «Аккузатив», то есть «винительный падеж» по-гречески.

У Кальвина рано выявились склонности к гуманитарным наукам. Он изучает философию, юриспруденцию, богословие. Пишет блестящие трактаты и научные работы по античности.

Несмотря на приверженность строгой христианской морали и религиозное воспитание, Кальвин не сразу воспринял идеи Реформации. Духовный переворот совершался в нем постепенно. Но был и особый момент, когда он пережил необычное духовное озарение. «Когда я понял, в какой бездне заблуждений, в какой

глубокой тине погрязла душа моя, тогда, о Боже, я сделал то, что было моим долгом, и со страхом и слезами, проклиная свою прежнюю жизнь, направился по Твоему пути», – писал он позже.

Жан отказался от светской карьеры, многих заманчивых предложений и после долгих молитв и раздумий присоединился к сторонникам Реформации, чтобы стать проповедником нового учения.

Первые проповеди в реформаторском духе Кальвин начал произносить в большой лавке одного парижского купца. По примеру своих предшественников молодой проповедник смело обличает нерадивых и невежественных пастырей, бичует тягу духовенства к непомерной роскоши и комфорту, призывает Церковь вернуться к идеалам первых христиан. Постепенно лавка купца становится очагом духовного брожения в Париже. Послушать мужественного проповедника собираются люди, охваченные духом богоискательства и обеспокоенные плачевным состоянием церковной жизни.

Вскоре слово Кальвина о необходимости переустройства Церкви на евангельских началах прозвучало на всю Францию. Он придумал для провозвестия реформаторского учения довольно неожиданный способ: уговорил своего друга и единомышленника ректора Парижского университета Николая Копа произнести перед многочисленной аудиторией и распространить в письменном виде речь «О христианской философии». Текст выступления был полностью составлен Жаном Кальвином. Речь Николая Копа вызвала большой переполох среди ортодоксального духовенства и в государственных сферах. Ведь текст Кальвина изобилует почти неприкрытыми призывами к решительному

устранению злоупотреблений в церквях, признанию равенства всех людей перед Богом.

Доносчики и недоброжелатели мигом сообщили власть имущим, кто был автором речи. Друзья вовремя предупредили Кальвина о неминуемых гонениях. И когда к дому проповедника явилась королевская стража, Кальвин успел незаметно выскочить через окно, пробраться на окраину города и оставить Париж.

Через некоторое время он вынужден был покинуть и родную страну. По всей Франции уже пылали костры, на которые возводили ревностных защитников Реформации.

В поисках убежища Кальвин странствовал по городам и весям Европы. Однажды он решил остановиться в Женеве на одну ночь, которая оказалась судьбоносной. Не успел утомленный странник расположиться на короткий отдых, как тут же к нему явился неожиданный посетитель. Это был знаменитый Вильгельм Фарель, пламенный проповедник Евангелия.

С необыкновенным усердием Фарель начал дело Реформации в Женеве. Он выходил неизменным победителем на всех публичных диспутах с противниками Реформации. Деятельность Фареля продвигалась успешно, и в 1536 году Генеральная Ассамблея граждан Женевы официально признала главенствующие идеи и учение реформаторов. Фарель испытывал острую нужду в помощнике, который обладал бы организаторскими способностями для устройства жизни на принципах Реформации. Фарель был уверен, что Бог посылает ему такого соратника в лице Жана Кальвина.

Кальвин был смущен и сильно колебался. Он же искал покоя, уединения, кабинетной тишины для

серьезных занятий богословием. Пылкий Фарель не принимал никаких возражений. «А-а, ты выставляешь предлогом свои занятия, но именем Всемогущего Бога я объявляю тебе: божественное проклятье постигнет тебя, если ты откажешь нам в содействии и будешь заботиться более о себе, чем о Христе», – возбужденно заявил неугомонный Фарель.

Пророческий тон местного реформатора до глубины души взволновал Кальвина. Он был потрясен, обескуражен и в конце концов дал свое согласие.

Кальвину сразу бросилось в глаза, что жизнь большинства женеvских церквей носит следы упадка и крайней неорганизованности. «Когда я впервые увидел эту церковь, она представляла нечто бесформенное, – отмечал Кальвин. – Верующие только разыскивали идолов и сжигали их – и в этом заключалась вся Реформация. Всюду господствовал хаос».

Кальвин настойчиво и планомерно делает первые шаги для устроения должного порядка в церквях. Он читает специальные лекции в соборе Святого Петра о сущности новозаветной веры, составляет краткий вероисповедный катехизис для обучения народа основным библейскими истинам, неукоснительно требует, чтобы граждане Женевы приносили присягу в соблюдении правил веры. Новый реформатор настаивает на обязательном введении церковного отлучения за греховные деяния. Особое внимание Кальвин предлагает обратить на тщательную подготовку членов церковной общины к участию в причастии.

Городской совет Женевы придавал всем нововведениям Кальвина юридическую силу. В городе явно наметилось движение к христианскому образу жизни.

Совет, следуя указаниям проповедников, запретил шумные публичные увеселения, азартные игры, ношение дорогих украшений и сверхмодной одежды. Новые предписания не делали исключений никому, бедные и богатые были одинаково равны перед законом. Случалось так, что даже высшие сановники вынуждены были приносить публичное покаяние за участие в танцах.

Естественно, не всем пришлось по душе новшества Кальвина. Строгие правила и жесткая регламентация жизни вызвали бурный протест и отторжение у противников реформ. Враги Кальвина не преминули разыграть национально-патриотическую карту. Они настраивали местное население не слушать этих французов, не подчиняться иностранцам. Группы недовольных собирались в кабачках, на площадях. А иные прямо под окнами кабинета Кальвина орали во все горло: «В Рону этих проповедников, в Рону!»

Масло в огонь подлили жаркие публичные споры между бернскими и женеvскими богословами по поводу совершения обряда причастия. Кальвин и его единомышленники не хотели ни в чем уступать старым обычаям, и тогда противники реформ потребовали изгнания проповедников из Женевы. Даже городской совет не смог защитить реформаторов, и Кальвин вместе с Фарелем удалились в Страсбург.

Страсбург был своеобразным городом-убежищем для гонимых представителей всех религиозных течений. Кальвина радушно приняли, дали возможность проповедовать, читать лекции, осуществлять пастырский труд среди французской общины.

Между тем к 1541 году сторонники Реформации вновь взяли перевес в Женеве и Страсбурге. Изгнанный

реформатор стал получать приглашения от властей Женевы с просьбой о возвращении туда. Городской совет издает постановление: «Ради величия и славы Божьей употребить все средства, чтобы иметь здесь Кальвина проповедником».

Кальвин вернулся в Женеву и сразу же приобрел почти неограниченное влияние. Он вновь с полной решимостью приступает к реформаторской деятельности: разработал новый церковный устав, установил четыре разряда церковных служителей. Это проповедники, учителя, старейшины и диаконы. Главная роль в духовном управлении принадлежала проповедникам. Они, по уставу Кальвина, должны «возвещать Слово Божье, учить, увещевать народ, раздавать причастие и вместе со старейшинами налагать церковные взыскания». Диаконы призывались заниматься христианской благотворительностью.

Но самым важнейшим изобретением Кальвина была консистория. Это учреждение сочетало в себе как чисто духовные, так и государственные функции. Консистория надзирала за богословием, моральными устоями общества, проводила судебные разбирательства.

Установления Кальвина регулировали работу государственных органов, определяли должностные обязанности чиновников. Как юрист, Кальвин досконально разработал систему судопроизводства. Реформатор глубоко вникает не только в церковные и гражданские дела, но даже занимается мелкими деталями городского благоустройства.

Проповедник Евангелия и богослов пишет подробные инструкции для строителей, пожарников, ночных сторожей.

Под непосредственным попечением Кальвина духовная жизнь и городское хозяйство Женевы вошли в строгий рабочий ритм как блестяще отлаженный механизм.

Все трактирные заведения были закрыты, а вместо них появились духовные казино. Государственные учреждения начинали свою работу с общей молитвы и выслушивания проповеди.

Женева при Кальвине превратилась в город духа, в христианскую республику. Но в целом общественная атмосфера была все-таки далека от абсолютного спокойствия. Самому Кальвину то и дело досаждали так называемые «либертины», сторонники вседозволенности. Молодым распущенным повесам из богатых семей претила строгая дисциплина. В разных концах города назло Кальвину они устраивали шумные пирушки и предавались безудержному разгулу. Их штрафовали, наказывали, но они продолжали искать любой повод, чтобы навредить реформатору, осыпать насмешками, оскорблениями. А реформатор, несмотря на козни оппозиции и преодолевая изнурительные болезни, продолжал свои труды денно и нощно.

Некоторые авторы называют Кальвина «женевским Папой», «протестантским Торквемадо». Подобные характеристики основаны главным образом на причастности Кальвина к казни Мигеля Сервета. Причастность Кальвина к делу Сервета отрицать нельзя, но необходимо учитывать и сопутствующие ему серьезные факторы. Деятельность Сервета носила резко вызывающий характер. Для него не существовало никаких авторитетов. Он мнил себя великим ученым, великим богословом и реформатором. Но отрицал Божественную

Троицу, Христа считал простым человеком, всячески нападал и грубо издевался над воззрениями Кальвина, изложенными в классическом труде «Наставление в христианской вере».

Сервета многократно предупреждали и увещевали. Кальвин и судьи призывали его к раскаянию. По существующим тогда законам распространитель ереси подлежал суровому наказанию. Руководители швейцарских кантонов и известные протестантские лидеры (Буллингер, Фарель, Буцер, Беза) настоятельно требовали казни неугомонного еретика.

Дело Сервета, несомненно, подорвало репутацию Кальвина. Но не один он виновен в осуждении Сервета на казнь. «Костер, на котором погиб Сервет, не был делом одного только реформатора: он был сложен фанатизмом и жестокостью всего 16-го столетия», – приходит к такому выводу биограф Кальвина Прозоровская.

Кальвин был величайшим богословом своей эпохи. Его творческое наследие огромно. Все сочинения реформатора насчитывают примерно 57 томов. Известны почти три тысячи одних только проповедей.

На протяжении всей жизни Кальвин вершил свой главный труд: «Наставление в христианской вере», из года в год расширяя и углубляя его. Эта работа представляет собой стройную и обширную систему протестантского богословия и до сих пор служит классическим пособием для ознакомления с основными доктринами протестантизма. Произведение к тому же чрезвычайно обогатило французский язык. Ученые-лингвисты называют «Наставление...» Кальвина образцовым памятником французской прозы.

Благодаря трудам Кальвина протестантизм вышел далеко за национальные пределы. Устройство женевской церкви стало моделью для организации протестантских церквей в последующие века.

Основные контуры здания европейской демократии, включая приоритет закона, выборность правящей элиты путем свободного волеизъявления народа, выросли на проектах Кальвина. Движимый духом библейского благочестия, реформатор разработал принципы протестантской этики. Она, как известно, в немалой степени обеспечивала развитие честного предпринимательства, содействуя экономическому процветанию европейских стран и Америке. Чистенькие, благоустроенные западные города – тоже последствия реформаторских начинаний Кальвина.

На Женевскую академию, которую основал Кальвин для подготовки проповедников, ориентировались устроители западных университетов и колледжей.

Незадолго перед смертью друзья упрашивали Кальвина дать отдых самому себе. «Разве вы хотите, чтобы Бог, когда пошлет за мной, не застал меня за работой?» – говорил он сердобольным друзьям.

27 мая 1564 года деятельный дух покинул измученное болезнями и трудами тело реформатора. Великий христианский труженик шагнул в Вечность.

Уже при жизни Кальвина его учение получило широкое распространение и прочно закрепилось в Нидерландах, Англии, Шотландии. Даже в католической Франции к 1651 году образовалось более 2 000 реформаторских общин. Сам дух кальвинизма вошел в плоть и кровь большинства европейцев и американцев, на многие века определил характерные особенности западной культуры.

Христианский гуманист и мученик

Начало Нового времени в истории Европы обычно связывают с эпохой Возрождения. Всевозможные науки, различные искусства, вера христианская испытывали тогда необычный подъем и оживление. «Назад – к истокам!» – этот лозунг стал знаменем эпохи. Первыми его провозгласили христианские гуманисты. О каких же истоках толковали повсеместно? Наследие греко-римской культуры, книги Ветхого и Нового Заветов, труды Отцов и учителей ранней Церкви – вот тот многообразный массив древних первоисточников, которыми серьезно заинтересовались мыслящие люди эпохи Возрождения. Тон в освоении этого богатейшего наследия задавали христианские гуманисты. Возвышенные идеалы античности, идеалы Евангелия и первоапостольской Церкви они хотели возродить и применить к обновлению современной жизни. Движение христианского гуманизма представляли в основном три известные личности: Джованни Пико делла Мирандола, Эразм Роттердамский и Томас Мор. «Этого человека следует считать одним из чудес

Божьих, столь возвышен его дух и его учение», – так отзывался о Мирандоле флорентийский проповедник Савонарола. Не менее значительным и популярным ученым был Эразм Роттердамский. И наконец, наивысшим олицетворением христианского гуманизма стал англичанин Томас Мор.

Мор родился в 1478 году в Лондоне. Юный Томас получил прекрасное образование. Он учился в грамматической школе, был лучшим студентом Оксфордского университета. Именно в Оксфорде проявился у него глубокий интерес к изучению классической культуры, древних библейских языков и латыни. Духовным наставником Мора стал английский реформатор Джон Колет. В своих публичных выступлениях Колет указывал на духовный кризис в среде служителей церкви, смело призывал реформировать весь строй и структуру Церкви на основе Евангелия. При соборе Апостола Павла в Лондоне Колет открывает школу, в которой большое внимание уделяет скрупулезному изучению Священного Писания.

Любовь к исследованию библейских текстов и изучению богословия Томас Мор перенял от Джона Колета.

Непревзойденным специалистом Томас Мор был в области права и практической юриспруденции. Благодаря своим исключительным способностям, широкому утонченному образованию и изысканному воспитанию Томас Мор делает стремительную политическую карьеру. Известный лондонский адвокат, затем спикер Палаты общин и в скором времени – лорд-канцлер короля Генриха VIII.

Столь блестящий карьерный взлет ничуть не сказался отрицательным образом на христианском

настрое души Томаса Мора. Окружающие не переставали удивляться искренней вере и благочестию высшего королевского сановника. Он ежедневно присутствует на богослужении, истово молится, поет в церковном хоре, по вечерам посещает бедные кварталы, открывает большой приют для детей, больных и престарелых. Когда в окрестностях Лондона устраивали специальные церковные шествия и молитвенные собрания о ниспослании урожая, Мор отказывался ехать на коне, как полагалось ему по чину. «Как могу я следовать на коне за Учителем моим Христом, Который почти всегда ходил пешком?» – объяснял организаторам шествия лорд-канцлер.

В доме Мора всегда царила жизнерадостная библейская атмосфера. Он регулярно молится и читает Библию вместе со своей семьей. По ходу чтения следуют его собственные глубокие комментарии к Священному Писанию. Дом Мора отличался христианским гостеприимством и непритязательным уютом. Эразм Роттердамский не раз пользовался гостеприимством Мора. Вот какие штрихи к портрету своего ближайшего друга он набросал: «Среднего роста, белолицый, с легким румянцем, с темно-золотистой шевелюрой и очень выразительными голубовато-серыми глазами. Лицо его всегда дружески приветливо, добрая улыбка выдает склонность к юмору. Речь удивительно чистая и неторопливая. Мор очень скромен и прост в своих житейских привычках. Неприхотливый в еде, он всяким лакомствам предпочитает простую пищу. Так же прост и скромнен он и в одежде, и в поведении».

Горячий сторонник женского образования, Мор на примере своей семьи показывал, что «разница пола в

смысле учености значения не имеет». И жену, и трех своих дочерей Мор обучал и воспитывал в духе возвышенного христианского гуманизма. Членам семьи он прививал любовь к Библии, к естественным и гуманитарным наукам.

Оказавшись близким советником короля, Томас Мор надеялся благотворно влиять и на английского монарха. Однако на этом поприще его ожидали горькие разочарования и трагические последствия. Генрих VIII сначала благосклонно и даже по-дружески относился к своему мудрому и образованному канцлеру. Внешне он тоже числил себя гуманистом, занимался поэзией и немного богословием. Папа Римский даже присвоил ему титул «защитника веры». Но все это не меняло его властолюбивого характера и не мешало делать отнюдь не гуманистические, «крутые виражи» во внутренней и внешней политике. Ради политической выгоды Генрих затевает бракоразводный процесс с Екатериной Арагонской, намереваясь заключить брак с Анной Болейн. Папа Римский не дает санкции на эти шаги. Тогда Генрих ищет всяческие обходные пути, подкупая юристов. День за днем он становится все более коварным, эгоистичным и властолюбивым.

Стремясь узаконить свои личные амбиции и притязания, король издает в 1532 году «Акт о преемственности» и «Акт о главенстве». Неожиданно для всех своих подданных Генрих VIII официально провозглашает себя «единым защитником и верховным главой английской Церкви».

Узнав об этом, Томас Мор непосредственно на следующий день отсылает королю государственные печати – специальные знаки своего придворного положения.

Внутренне протестуя против действий короля, Мор самолично уходит в отставку. Теперь он частный гражданин, да к тому же без всяких сбережений и каких-либо постоянных доходов. Все средства отданы бедным и родственникам. Теперь у него даже не всегда хватает дров, чтобы растопить камин.

На приглашение участвовать в коронации Анны Болейн Мор отвечает отказом. Новая королева, получив известие об этом, вспылала к Морю ненавистью.

Через два года по королевскому указу все подданные были обязаны подтвердить присягой свое согласие с «Актом о преемственности» и «Актом о главенстве». В среде духовенства от принесения присяги уклонился один епископ и несколько монахов-отшельников. Из числа светских лиц во всей Англии отказался дать присягу один лишь Томас Мор.

Независимого гражданина и гуманиста тут же поспешили арестовать и отправили в замок Тауэр, лондонскую тюрьму. Против этого мягкого и доброжелательного человека выдвинули обвинение в мятеже. С помощью угроз, клеветы и лести его пытаются заставить принести присягу, признать свою вину. Мор остается непреклонным.

Там, под тюремными сводами рождаются его лучшие богословские и философские трактаты. Один из них он назвал: «Об утешении в несчастиях», а другой: «Размышления о страданиях Христовых». Томас Мор мучительно раздумывает над томлением Христа в Гефсимании накануне Голгофы. Помышляя о Крестном пути Иисуса, Мор переживает свою личную Гефсиманию. Он испытывает страх, связанный не только с ожиданием пыток и физических мук. Мора больше страшит другое.

Он боится огорчить Господа неверным представлением о христианском мученичестве, беспокоится о том, как бы его путь и стремление к мученичеству не оказались перед Богом выражением чисто человеческой гордыни и самомнения. После напряженных молитв и размышлений Томаса Мора вдруг посетила ясная и твердая уверенность в том, что Господь не даст ему быть испытанным сверх сил, Бог хочет, чтобы он, не страшась, шел по следам Христа.

Во время судебного процесса Томас Мор стойко и мужественно доказывал судьям свои убеждения в том, что человек светский, будь он даже королем, не может стоять во главе Церкви и диктовать свою волю духовенству и простым верующим.

Несмотря на веские аргументы, подкупленные судьи вынесли Томасу Морю смертный приговор. Обреченного на смерть ожидала страшная казнь через предварительные пытки и четвертование. Волею короля мучительную казнь заменили отсечением головы. 6 июля 1535 года Томас Мор был обезглавлен.

И смертный приговор, и саму казнь Томас Мор встретил как свидетель Иисуса Христа. Без малейшего чувства озлобления и мщеничества. Его последнее слово после оглашения приговора было из ряда вон выходящим: «Апостол Павел, как вам известно, одобрительно смотрел на смерть Стефана и даже сторожил одежды тех, кто побивал его камнями, но тем не менее сейчас Павел и Стефан вместе пребывают на небесах. Так и я поистине надеюсь и усердно молюсь о том, чтобы мы с вами, господа судьи, приговорившие меня к смерти, могли достичь вечного спасения и, ликуя, вместе встретились на небе...».

Томас Мор оставил миру шестнадцать томов своих сочинений. Богословы, философы, политики, социологи из столетия в столетие находят в них много пищи для размышлений. Но, пожалуй, самым ценным вкладом Томаса Мора в историю человечества и примером для потомков был подвиг его жизни и смерти. По юдоли земной он прошел как гуманист и мученик. А подлинный христианский гуманизм в том и состоит, чтобы человек с помощью Господней благодати восстановил в себе Образ Божий и вырос, по слову Апостола Павла, «в меру полного возраста Христова».

Пилигрим к небесной Отчизне

«Книги – это реки, наполняющие Вселенную. Это источник мудрости, ими мы в печали утешаемся, они узда воздержания, ими мы поучаемся на путь покаяния», – утверждал древнерусский летописец Нестор. В середине XVII века мировая сокровищница глубоких христианских книг пополнилась духовной аллегорией под названием: «Путешествие пилигрима в небесную страну». К русскому читателю это произведение пришло в конце XVIII столетия, и до сих пор оно не сходит с полок христианских библиотек.

В чем же секрет столь необычной многовековой популярности этой книги? В том, пожалуй, что каждый вдумчивый читатель узнает в главном персонаже самого себя, свою мятущуюся душу со всеми страстями и сомнениями.

Любую книгу, а духовную в особенности, невозможно отделить от личности автора. Книга «Путешествие пилигрима в небесную страну» – это художественное изображение духовного и жизненного пути

ее создателя – великого английского проповедника Джона Беньяна.

Будущий проповедник родился в 1628 году в окрестностях Бедфорда. Школа, где учился Джон, не прививала своим воспитанникам никаких понятий о вере и благочестии. Бойкий, грубоватый нрав толкал Джона на дурные шалости и влек к разгульной жизни. Он очень рано стал солдатом и много лет воевал на стороне короля с армией парламента. Зрелище каждодневной смерти тревожило его душу. Тяжелые мысли не давали покоя. Близость смерти рисовала пугающие картины. Джон представлял себя отвергнутым Богом, осужденным на вечный ад и мучения. Как мог, он отгонял от себя мысли о Боге и Вечности и снова искал общества легкомысленных друзей для пустых развлечений.

По совету людей добропорядочных Джон решил жениться. Женой его стала дочь набожного человека, очень тихая и скромная девушка. Семья ее не имела никаких сбережений. В качестве приданого она принесла в дом мужа лишь две христианские книги: «Практическое благочестие» и «Как достичь Царства Небесного?»

Под влиянием глубоко верующей жены у Джона появилось желание посещать воскресные богослужения. Однако религиозные пристрастия Джона находили очень однобокое выражение. Его влекла внешняя обрядность. К тому же сама атмосфера окружающей жизни приучала даже активных церковных прихожан к обрядоверию и раздвоенности. В промежутках между официальными богослужениями молодежь устраивала шумные игрища и забавы. Случалось так, что и юный Джон, прослушав проповедь, тут же убегал на встречу с веселой компанией.

Но были моменты, когда в самый разгар азартной игры некий голос звучал внутри: «Хочешь ли расстаться с грехом и получить вечное блаженство или жить в грехе и быть ввергнутым в ад?» Джон дрожал от страха, бичевал себя за дурное поведение, пытаясь освободиться от тяги к греху. Иногда он достигал успеха, начинал исправляться, но постоянно чувствовал свою слабость в борьбе с греховной природой. Ожидание Божьего возмездия преследовало душу, долгое время Беньян искал избавления от внутренних терзаний.

Однажды, идя по полю с тяжелым настроением, Джон был остановлен внезапной мыслью: «Твоя праведность на небе». Он молитвенно поднял глаза ввысь и увидел таинственный облик Христа. Буря сомнений угасла. Глубокий мир и покой снизошли в душу. «В Нем, во Христе распятом за наши грехи мы можем сделаться праведными перед Богом», – вдруг со всей ясностью понял Джон Беньян. В сердце молодого человека загорается особая любовь к Библии. Он подолгу штудирует Священное Писание, читает комментарии Мартина Лютера на Послание Апостола Павла к галатам.

Огонь живой веры требовал выхода наружу. Джон Беньян искал поприще труда для Бога. В двадцатипятилетнем возрасте он присоединился к церкви христиан-баптистов города Бедфорда. Как помощник пастора, он ревностно исполнял все поручения: навещал больных, поддерживал духовно ослабевших, проповедовал Слово Божье на христианских собраниях в разных местах. От постоянных трудов и чрезмерного усердия он даже тяжело заболел, но вскоре поправился. И вновь толпы людские стекались отовсюду послушать Слово Евангелия из уст любимого проповедника. Среди

слушателей было немало тех, кто шел на проповедь просто из любопытства. «Простой котельщик – и проповедник?! – недоумевали они. – Что он может нам сказать?»

Опираясь на Библию, Джон Беньян говорил от сердца. Он свидетельствовал о силе Божьей благодати, и простые, безыскусные слова проповедника разили твердокаменные души, как молния. Те, кто намеревался осмеять или уничтожить проповедника, оставались на молитву, каялись в сокрушении о грехах своих и сами становились свидетелями Иисуса Христа.

В 1660 году в Англии произошло восстановление и укрепление монархии. После прихода к власти дом Стюартов тут же пограл элементарные принципы свободы совести. Началось массовое преследование инакомыслящих. Все активные проповедники, не входящие в официальную англиканскую церковь, были объявлены вне закона. Им категорически запрещалось проповедовать.

Джона Беньяна арестовали во время проповеди в небольшом селении. На суде ему было заявлено, что котельщик не имеет права выступать с проповедью. Судьи пообещали Беньяну, что он тотчас будет отпущен на свободу, если даст подписку о прекращении проповеди. «Могу ли я дать такое обещание? – горячо воскликнул подсудимый. – Не проповедовать живого спасительного Божьего Слова? Никогда! Пока жив! Горе мне, если не проповедую. Если я сегодня получу свободу, то завтра же начну проповедовать вновь».

Непокорного проповедника 1 ноября 1660 года заточили в Бедфордскую тюрьму. Тюремные камеры были переполнены до отказа. На ночь в них запирали до шестидесяти человек. Джон Беньян оказался среди головорезов и мрачных злодеев.

Страдания Беньяна увеличивались от беспокойства за судьбу жены и четырех малолетних детей. Незадолго перед арестом скончалась его первая жена, и он женился во второй раз. Новая супруга была также стойкой и терпеливой христианкой, но и ей приходилось бороться с невероятными трудностями. Дети от первого брака Беньяна требовали заботы и ухода. К тому же одна из дочерей была слепа от рождения. Безуспешно жена Беньяна обивала пороги государственных учреждений, умоляя помиловать мужа. Многие пороки, страшные преступления и беззакония легко прощались, но к проповедникам христианской Любви и Добра отношение было очень суровым.

Джон Беньян находил утешение и ободрение в том, что сознавал себя мучеником совести. Он просил у Бога сил для безропотного перенесения всех скорбей и заключений.

По слову великого страдальца за Истину Апостола Павла,

«любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу».

(Рим. 8:28)

Враги Беньяна просчитались. Оторванный насильственно от своей паствы проповедник неожиданно, по Божьему усмотрению, обрел невероятно обширную аудиторию. Кроме непрерывных духовных бесед с заключенными Беньян начал писать книгу для душеполезного чтения. Этот человек, не получивший официального образования, создал в тюрьме великое произведение. Его искренняя, сердечная вера, живое воображение, пронизательный ум сумели нарисовать жизненный

образ христианина-странника. Личный опыт исканий Бога и Божьей праведности, полоса искушений и страданий за веру – все это нашло воплощение в аллегорическом повествовании о следовании человека по стопам Христа.

К концу двенадцатилетнего заключения тюремные строгости несколько поубавились. Беньяна стали отпускать на прогулки и на работу за пределы тюрьмы. А 15 сентября 1672 года последовал указ короля Карла II об освобождении религиозных диссидентов.

Джон Беньян явился к пастве как опытный воин Иисуса Христа, закаленный духовной борьбой и долгими страданиями. Сразу же после освобождения он с жаром принимается за исполнение пастырских обязанностей. На первое место в служении он ставит проповедь Слова Божьего. Джон Беньян проповедует в домах, храмах и на лоне природы. Его церковь в Бедфорде растет день ото дня. Он путешествует в другие районы Англии, часто устраивает многолюдные духовные собрания в Лондоне. В адрес Беньяна идут предложения от влиятельных лиц занять солидные проповеднические кафедры в крупных городах. Беньян отклоняет предложения, предпочитая оставаться в Бедфорде со своей паствой.

Широкое пастырское сердце Джона Беньяна согревало каждого. Он вел постоянную переписку с отлученными, увещевая их не оставлять Божий путь. Регулярно посещал больных, устранял раздоры между братьями. В народе Беньяна называли «Епископом», он же считал себя тружеником Господним и слугою всех.

Этот пастырь и проповедник не был узким сектантом и законником. Он допускал к причастию даже тех,

кто не прошел обряд крещения, но был человеком обращенным и вел христианский образ жизни.

Из-под пера Джона Беньяна продолжали выходить книги. Тематика их охватывала текущие богословские проблемы и практические нужды христиан. «Закон и Благодать», «Духовная война», «Книга для юношей и девиц», «Мое исповедание веры» – в самих названиях этих книг очерчен круг тем, волновавших автора. Но вершина духовного творчества Беньяна, главное его детище – «Путешествие пилигрима в небесную страну». Эта книга быстро пробила себе дорогу от маленького престолярного кружка в образованные культурные слои высшего общества. Везде, куда бы ни попадала эта вещь, она несла духовное пробуждение и оживление веры.

Смерть застала Джона Беньяна во время самоотверженных пастырских трудов. Спасая от крупных скандалов и раздоров одно семейство, Беньян проделал утомительный путь в холодную дождливую погоду. Заболел сильной горячкой, неутомимый странник-христианин покинул в августе 1688 года землю навеки.

Вполне вероятно, что и сам Джон Беньян у ворот небесного Иерусалима услышал слова ангелов Божьих, запечатленные им на страницах своей знаменитой книги: «Вы будете наслаждаться покоем за все ваши труды. Вы пожнете то, что посеяли, – плод ваших молитв, слез и страданий за Царя Небесного. Вы будете служить Ему непрерывной хвалой, благодарениями и носить золотые венцы...».

На могиле Джона Беньяна нет роскошного памятника и глубокомысленной эпитафии. Всего лишь простая плита. Самым наилучшим и неувядающим

памятником жизни и трудов подвижника Истины служит его христианская повесть-притча. Возвышенный дух этой книги захватил в свое время Александра Пушкина, и он написал поэму «Странник». В 1882 году дочь поэта-партизана Дениса Давыдова усердная христианка Юлия Засецкая сделала второй перевод аллегории английского проповедника на русский язык. Ныне она переведена более чем на семьдесят пять языков и диалектов. О странствиях паломника через Город Разрушения, Топь уныния, Замок Сомнения к Горнему Иерусалиму с упоением читают христиане разных конфессий. А художники пишут картины и создают иллюстрации по мотивам этой книги. Спустя столетия автор бессмертной аллегории будит наши души, указывая на нетленные блага Царства Небесного.

Поэт и правозащитник

В первой половине XVII столетия в Англии большой размах приобрело движение пуритан. Этих христиан не устраивали частичные реформы богослужения и церковной жизни: они ратовали за глубокую и полную реформу на библейских началах. Библию пуритане почитали наивысшим авторитетом в делах веры и единственной основой правильного жизнеустройства.

Пуритане выдвигали требования по ограничению королевской и епископской власти, выступали за подлинную свободу совести и отделение Церкви от государства. Их идеал – свободная Церковь в обществе.

Одним из самых ярких представителей этого движения был выдающийся английский поэт и общественный деятель Джон Мильтон. Будущий защитник духовной свободы и создатель знаменитых поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» родился в 1608 году в Лондоне в зажиточной протестантской семье.

В памяти поэта запечатлелся светлый образ отца, который сочинял музыку для библейских псалмов,

занимался литературой и, естественно, всячески поощрял поэтическое и общее развитие чрезвычайно одаренного сына. Джону еще не было и десяти лет, когда он уже поражал взрослых глубокомысленными стихами. Тогда же Мильтона определили на учебу в Грамматическую школу св. Павла. «Моя страсть к ученью была так велика, что, будучи двенадцати лет от роду, я с трудом отрывался от своих уроков и ложился спать не раньше полуночи, – вспоминал Мильтон. – Это было первой причиной ухудшения моего от природы слабого зрения. Кроме того, я часто страдал головными болями. Но все это не охлаждало моей любознательности». Юный Мильтон непрерывно писал стихи. Его первыми поэтическими опытами были стихотворные переложения псалмов. Во время учебы в Кембриджском университете Мильтон создал цикл небольших произведений, которые явили в нем гениального поэта. Взыскательная публика громко заговорила о Мильтоне, познакомившись с его пасторальной поэзией. Этот жанр захватил молодого выпускника Кембриджа, когда он в течение пяти лет жил в деревенском имении отца. Там он продолжал штудировать латинских и греческих писателей, сочинял превосходные сонеты, воспевая жизнь природы и простых сельских жителей.

Поэтическую душу Мильтона с детства манила Италия. Наконец мечты сбылись. В 1638 году он отправляется в длительное путешествие по Франции и Италии. В Риме Мильтон знакомится с сокровищами Ватиканской библиотеки, беседует с учеными кардиналами, в Неаполе и Флоренции приобретает много новых друзей из мира науки и искусства. Путешественника с восторгом принимают в научных и литературных

сообществах. Древние языки, свободное владение итальянским, необозримый запас всесторонних знаний – все это приковывает к Мильтону внимание образованного общества.

Земля великих ученых, художников, поэтов оставила неизгладимый след в душе Мильтона. Особое впечатление на него произвели религиозные мистерии на библейские темы грехопадения и искупления человека. Воображение поэта рисовало контуры большой эпической поэмы. Мильтон дает обещание итальянским друзьям, что, «присоединив к своим природным способностям прилежное изучение и упорный труд», он «оставит потомству памятник, достойный того, чтобы быть сохраненным». Это был намек на замысел великого творения – «Потерянный и возвращенный рай». Почти полтора года провел Мильтон за границей. На его родине тем временем бушевали народные волнения. Король Карл I фактически отстранил парламент от государственных дел. Он самолично определял размеры налогов, по своему усмотрению управлял торговлей, жестоко расправлялся с инакомыслящими. А в церквях назревал духовный кризис. Вся духовная власть перешла в руки одного человека – архиепископа Кентерберийского Лоуда.

Сторонник короля, Лоуд не терпел разномыслия и прилагал все усилия к тому, чтобы в церковной жизни повсеместно установилось абсолютное единообразие. Он даже подготовил с этой целью специальную «Книгу общих молитв» и попытался внедрить ее не только в Англии, но и в Шотландии.

Пуританские круги резко воспротивились деяниям Лоуда. Они хотели духовной и гражданской свободы.

Вернувшись на родину, Джон Мильтон оказался в самой гуще борьбы партий и движений. Очень чуткий и отзывчивый человек, он, конечно, не мог оставаться равнодушным зрителем духовных и политических баталий. Его симпатии были на стороне поборников свободы совести. Мильтон выпускает в свет острое публицистическое сочинение «О Реформации в Англии и причинах, задержавших ее».

Противники взглядов Мильтона организовали травлю поэта, не гнушаясь клеветы. Мильтон выдержал нападки, а его сочинение достигло конкретной цели: из Палаты лордов были удалены все епископы, и власть их была существенно ограничена.

Тогда Мильтон распространил еще один свой труд – «Речь в защиту печати». Это было красноречивое и убедительное обращение к парламенту о необходимости защиты свободы слова. По сути, Мильтон разработал обширный манифест политической и религиозной свободы. Поэт впервые во всеуслышание смело заговорил о праве на свободомыслие, на неподцензурную печать. «Убить книгу – все равно что убить человека. Кто уничтожает книгу, тот уничтожает разум, – писал Мильтон. – Есть люди, которые постоянно жалуются на расколы и секты и считают ужасной бедой, если кто-нибудь расходится с их понятиями. Высокомерие и невежество – вот причина недовольства тех, кто не в состоянии снисходительно выслушать и переубедить. Поэтому они подавляют все, чему нет места в их катехизисе. Создают беспорядок и нарушают единство именно те, кто сам не собирает и другим не позволяет собрать воедино разрозненные части, недостающие для полноты Истины».

Проникновенное послание Джона Мильтона тронуло самые твердокаменные умы и сердца. Часть цензоров отказались от своей сложности, цензура была значительно ограничена, а при Оливере Кромвелле и вовсе упразднена. Когда Кромвель получил большую власть в стране, стал лордом-протектором, для сторонников парламента и многих диссидентов пришли благоприятные времена. Лорд-протектор не преминул воспользоваться талантами Мильтона. Он предложил известному поэту занять должность секретаря министра иностранных дел.

Враги Кромвеля делали все, чтобы расшатать основы парламентской республики. Они пустили в оборот книгу, где образ короля и форма правления были нарисованы с преувеличенным восторгом. Мильтон тут же откликнулся на этот искусный ход острой критической статьей.

Джон Мильтон защищал парламент, права человека, выступал за полную независимость Церкви от государства. Слава Мильтона как поэта и правозащитника разнеслась по всей Европе. Многие иностранцы специально приезжали в Англию, чтобы повидать Кромвеля и Мильтона и выказать им свою признательность. А враги не упускали случая чем-либо навредить поэту и публицисту. В Париже и Тулузе часть его книг предали сожжению. Преследования Мильтона усилились после восстановления в Англии монархии. Король Карл II взял бразды правления полностью в свои руки, и Мильтон вновь мужественно возвысил голос за сохранение принципов свободы совести и прав человека. Из-за угроз и преследований он был вынужден искать убежища у своих друзей в провинции. Вышел указ о его

аресте, но друзья смогли оградить поэта. И все же настоящим врагам удалось заточить Мильтона в тюрьму. К счастью, на короткое время. Вскоре поэта выпустили на свободу.

К пятидесяти годам Мильтон полностью ослеп. Одно утешало его: зрение было потеряно в благородной борьбе за дело свободы.

Чудесным образом Мильтон находит силы для исполнения замысла, который вынашивал и лелеял десятки лет. Он приступает к главному труду жизни – написанию библейской поэмы о Боге Творце, мире ангелов и о первых людях, о рае, утраченном и возвращенном. Семь лет изнурительного труда отдал ослепший Мильтон воплощению своего грандиозного замысла. По воспоминаниям друзей, поэт нередко проводил бессонные ночи в мучительных раздумьях, ожидая вдохновения. И когда оно приходило, Мильтон тут же призывал дочь и диктовал ей пронзительные строки. «Потерянный рай» был завершен в 1665 году. Один из друзей Мильтона, прочитав рукопись, сказал ему: «Ты так много говоришь о потерянном рае, а почему ничего не скажешь о рае возвращенном?» Скоро Мильтон показал другу еще одну рукопись, объемом значительно уступавшую первой, – она называлась «Возвращенный рай». Творение Джона Мильтона очень медленно пробивало дорогу к читателю. При жизни автора оно было издано ничтожно малым тиражом. В 1674 году великий поэт Англии закончил свой земной путь с глубокой верой в Промысел Божий.

Некоторые литературные критики осуждают Мильтона за то, что он тратил много времени и сил на участие в политических распрях. «Я не могу высоко ценить

ту добродетель, которая запирается в келью, не подвергая себя никаким испытаниям, никогда не вступает в открытую борьбу, не становится лицом к лицу с противником, а незаметно покидает жизненную арену, где нельзя снискать венец бессмертия, не обжегшись», – заявлял Мильтон в пору своего страстного увлечения политическими схватками. Однако позже, раздумывая о своем призвании, он говорил, что в делах общественных «действовал только левой рукой», а его «правая рука всегда служила высочайшему вдохновению». Творческое наследие Мильтона многогранно: педагогические трактаты, политические памфлеты, «История Англии», даже «История Московии», обширный трактат «О христианском учении»... Но среди многообразия его произведений как величественная горная вершина возвышаются поэмы «Потерянный рай» и «Возвращенный рай».

Ни одно западноевропейское поэтическое произведение не переводилось и не издавалось в России так часто и много, как «Потерянный и возвращенный рай». Рукописный перевод поэмы, выполненный бароном А. Б. Строгановым, ходил в России уже в середине XVIII столетия. В 1780 году творение Мильтона напечатал русский просветитель Николай Новиков. Это был прозаический перевод с французского архиепископом Серебренниковым. С XIX века прозаических и поэтических переводов становилось все больше. У мыслящего русского читателя интерес к поэме никогда не угасал. А. Н. Радищев упоминал имя английского поэта в «Путешествии из Петербурга в Москву», лелея надежду на появление нового Мильтона в России. Труды Мильтона изучали декабристы, известные литературные кри-

тики анализировали его творчество. «Мильтон в злые дни, жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал «Потерянный рай»», – с восторгом отзывался о поэте А. С. Пушкин.

О многих поэтах говорят, что они испытали на себе влияние Библии. Мильтон же не просто творил под влиянием Вечной Книги – он жил и дышал библейскими образами. Потому и смог создать вдохновенную песнь песней о любви Божьей и возвышенной супружеской любви.

Проповедник духовного пробуждения

XVIII век в истории христианства некоторые историки называют веком холодного разума. Это была эпоха, когда нарастал конфликт между верой и разумом, между наукой и религией. Священное Писание стало подвергаться резкой критике. Из библейских истин принимались только те, которые укладывались в рамки человеческого рассудка. Христос в представлении многих оказывался лишь Учителем морали, а Божественное Откровение или вовсе отрицалось, или отодвигалось на второй план как несущественный фактор. Распространение подобных взглядов вызвало глубокое оскудение духовной жизни и привело к повсеместному упадку нравов в странах Европы.

Служители церквей Англии почти совсем перестали проповедовать Слово Божье. С церковных кафедр изредка произносились лишь общие религиозно-философские рассуждения и тусклые, лишенные жизни и духа поучения. Простой люд редко заглядывал в храмы, а больше любил проводить время в азартных

играх, участвовать в устройстве зрелищ с боем быков, медведей, лис и петухов.

Неожиданно пришло время, когда общество, пораженное легкомыслием и охлаждением веры, вдруг испытало небывалое духовное пробуждение. В эпицентре этого сверхъестественного феномена стоял Джон Весли, основатель движения за возврат к библейскому благочестию и святости.

Джон родился в 1703 году и был пятнадцатым ребенком из девятнадцати детей Самуэля и Сюзанны Весли. В пятилетнем возрасте Джона чудом спасли от гибели в пожаре, охватившем церковное здание. Он не раз говорил впоследствии, что «Господь спас его, как головешку из огня». Отец Джона, священнослужитель и глава прихода в Эпворте, воспитывал детей в атмосфере строгого благочестия и пуританской дисциплины.

Джон был зачислен в Лондонскую школу, затем – долгие годы обучения в Оксфордском университете. Там он получил степень магистра искусств, был рукоположен в священники и стал членом ученого совета.

На какое-то время он выезжал к отцу, помогал ему нести пастырские труды и вновь возвращался в Оксфорд.

Вместе со своим братом Чарльзом и пятнадцатью студентами Джон организует необычное сообщество. Это был религиозный кружок для совместного изучения Библии и молитвы. Кроме того, члены кружка посещали больных и заключенных. Светская молодежь посмеивалась над христианским рвением Джона и его друзей. Их кружок окрестили «Святым Клубом» и без конца придумывали разные смешные прозвища. Сначала юных ревнителей благочестия называли «Библейской

молью», так как они якобы питаются Библией, как моль одеждой.

А в конце концов за группой закрепилось прозвище «методистов». Джон Весли с единомышленниками не отбросили его, а постарались воплотить в жизненную практику наилучшим образом. «Методизм», с одной стороны, означал соответствие строгим методикам университетского обучения, а с другой – «духовный методизм» следовал принципам и методам, основанным на библейском вероучении.

В 1735 году Джон и Чарльз Весли отправились в миссионерское путешествие за океан, в Америку для проповеди Евангелия индейцам.

Корабль попал в шторм. Сильнейшая паника, ужас и страх охватили путешественников. Перепуганный Джон обратил внимание на маленькую группу людей. Среди всеобщей паники, к удивлению Джона, они одни оставались спокойными. Буря, к счастью, миновала. Познакомившись с необычными пассажирами, он узнал, что это верующие из церкви моравских братьев. Джон подружился с ними, подолгу беседовал, расспрашивая новых друзей о победной жизни во Христе. Моравские братья подчеркивали необходимость полного обращения ко Христу и призывали окончательно отойти от обрядоверия.

Джон много размышлял о взглядах моравских братьев, беспощадно анализируя свое духовное состояние.

Миссия в Америку оказалась неудачной. «Я поехал в Америку обращать индейцев. Но кто обратит меня? – сокрушался Джон. – Кто избавит меня самого от злого сердца и неверия? Кто удалит все страхи и сомнения из моей души?»

Вернувшись в Лондон, Джон отыскал общину моравских братьев и стал посещать их собрания. И вот однажды во время слушания чтения предисловия к «Толкованию Послания Апостола Павла к римлянам» Мартина Лютера Джон Весли почувствовал «странную теплоту в сердце». К нему неожиданно снизошло ясное сознание того, что Христос освободил его всецело от закона греха и смерти.

Духовное рождение Джона Весли произошло 24 мая 1738 года. Как тут не вспомнить слова отца Джона, произнесенные незадолго до смерти: «Внутреннее свидетельство, сын, внутреннее свидетельство – вот самое сильнейшее доказательство истинности христианства».

Проповедовать спасение во Христе, возвещать Божью любовь к человечеству – такой обет дал Богу Джон Весли. 11 июня 1738 года в Оксфордском университете Джон произнес свою знаменитую проповедь на тему: «Спасены через веру благодатью Божьей».

«Спасать души – мое призвание, а мой приход – весь мир» – эти слова стали жизненным девизом неутомимого проповедника.

Пламенное горение духа евангелиста не нашло понимания и должного отклика в традиционных церквях Англии. Двери многих церквей демонстративно захлопывались перед проповедником Евангелия. Даже в родном городе Эпворте Джона не допустили к церковной кафедре. Тогда он решил объявить духовное собрание на территории церковного двора.

К назначенному времени весь двор и прилегающие улицы были запружены народом. Джон решил использовать необычную кафедру. Он поднялся на гробницу

отца, и над притихшей многотысячной толпой разнеслись первые слова проповеди: «Царствие Божье не пища и питание, но праведность, мир и радость во Святом Духе...».

Когда Джон делился своими переживаниями с престарелой и больной матерью, рассказывая о проповеди во дворе, Сюзанна радовалась и благодарила Господа за то, что сын ее принял духовную эстафету от отца. «Отец твой всю жизнь ожидал большого духовного пробуждения, и вот Господь послал его через Джона», – сказала перед кончиной Сюзанна.

Помимо дара проповеди у Джона Весли проявился необыкновенный дар организатора. По всей Англии, Ирландии и Шотландии Джон открыл множеств обществ методистов. Эти общества разделялись на классы или мелкие группы по пять-двенадцать человек. Весли разработал подробные правила для деятельности собраний и классов. Методистам строго предписывалось «не покупать, не продавать в воскресенье, не пробовать ни глотка любого вида спиртного, если это не предписано врачом; не касаться ошибок кого-либо за его спиной».

Методистам не разрешалось носить украшений или же потакать своим слабостям. Методисты, по уставу Джона, «должны быть в церкви каждую неделю и на каждом собрании группы, присутствовать на молитве каждое утро, если не препятствует расстояние, дела или болезнь, молиться каждый день лично и с семьей». Все пятницы в году методисты соблюдали как дни поста и воздержания.

Особо строгие правила были написаны Джоном Весли для разъездных проповедников. От них требовалась

спартанская дисциплина. «Никогда, ни на миг не быть без дела, никогда не заниматься пустяками, – учил Весли проповедников. – В поездках никогда не терять времени и ни в каком месте не проводить времени больше, чем нужно. Ваша речь и одежда не должна быть шутовской».

Несмотря на постоянные конфликты с духовенством, Джон Весли и его ближайшие соратники никогда не делали попыток официально отделиться от англиканской церкви. Джон не снимал с себя сана священника и оставался им до самой смерти. «Я никогда не имел замысла отделяться от Церкви, – неоднократно повторял Джон. – Я живу и умру как член Церкви Англии». Таким образом, все общества методистов при жизни Весли были своего рода «церковью в церкви».

Пробудить духовно нацию и Церковь – вот к чему неуклонно стремился Джон Весли.

За пятьдесят лет служения Джон Весли пересек четверть миллиона миль на дорогах Англии, Шотландии, Ирландии. Непрерывные путешествия совершались верхом на лошади до восьмидесяти семилетнего возраста. «Я должен быть наездником всю жизнь, если хочу быть здоровым», – говорил он.

Во время миссионерских странствий Джон Весли произнес сорок две тысячи зажигательных проповедей.

Ближайшим помощником Джона был его родной брат Чарльз. Он обладал даром поэта и певца и стал «отцом методистского пения». Чарльз написал примерно шесть тысяч духовных гимнов. Некоторые из них доныне составляют золотой фонд песенного наследия евангельских церквей.

Неотъемлемой частью христианской жизни Джон Весли считал социальное служение, широкую

благотворительность. «Методистом является тот, кто имеет любовь Божью, излившуюся Духом Святым», – подчеркивал Джон. Он заложил центр благотворительности в Лондоне, Бристоле, Ливерпуле и других городах. Там, где появлялись общины методистов, сразу налаживалось регулярное посещение больных, помощь бедным и нуждающимся. Джон Весли строил школы для бедных детей, собирал средства обездоленным. Почти все свое наследство он раздал беднякам.

Джон Весли деятельно заботился об общем духовном и интеллектуальном просвещении бедных слоев населения. Он писал и издавал образовательные трактаты для народа, популярную историю Рима, Англии, рассказы из истории Церкви, библейские комментарии. Джон Весли составил Английский словарь, опубликовал двадцать три сборника духовных гимнов.

Универсальный миссионер также занимался медицинской практикой, написал книжку по медицине, открыл первую амбулаторию для бедняков.

Крепкое здоровье не покидало Джона многие годы. На вопросы друзей о том, как ему удастся сохранять отменное здоровье до преклонных лет, Джон указывал на источники поддержания его физической крепости. Это сила Бога, призвавшего его на служение, путешествия по четыре-пять тысяч миль в год, способность засыпать в любое время дня и ночи, ежедневные проповеди в пять утра.

Восьмидесятишестилетний Джон произнес сто проповедей в шестидесяти городах за девять недель. Почти до самой смерти продолжалось проповедническое служение Джона Весли на открытом воздухе в парках, скверах и на полях при большом стечении народа.

2 марта 1791 года завершился долгий и плодотворный земной путь провозвестника Божьей правды. «Истинная ценность господина Весли доказана тем, что он умер, не оставив вещей, – писали газеты. – Это показывает, что влияние, которое он приобрел в многочисленных общинах, не использовалось им в корыстных целях. Нищета такого человека обогащает его славу».

Джон Весли не оставил после себя материальных благ, но его духовное и культурное наследие неизмеримо. Весли добивался запрещения рабства, улучшения содержания заключенных в тюрьмах, оказал влияние на развитие движения воскресных школ.

Жизнь низших слоев Англии была преобразована светом евангельской проповеди. Живая вера, благопристойность и моральные ценности вновь водворились в сердцах простого народа. Величайший исторический феномен, связанный с духовным пробуждением и деятельностью Джона Весли, спас Англию от назревающей разрушительной революции, обновил Церковь и дал личный пример самоотверженной любви к Богу и к человеку.

Миссионер в Индии

В центре Лондона, в большом готическом соборе Кентерберийского аббатства, среди памятников великим государственным мужам Англии притаилась скромная плита. Четкая надпись на ней гласит: «Вильям Кэри – миссионер в Индии, переводчик Библии».

Почему в ряду крупнейших исторических деятелей оказался служитель Церкви, проповедник Евангелия, миссионер? А дело в том, что в анналах мировой истории Вильям Кэри числится как основоположник христианских миссий. Но разве до него не было великих миссионеров? Были, конечно. И довольно много. Но это были главным образом энтузиасты-одиночки. А Вильям Кэри в конце XVIII и начале XIX века сумел поставить миссионерское служение на широкую фундаментальную основу. Благодаря деятельности Кэри возникла огромная всемирная сеть христианских миссий, а миссионерство стало явлением духовным, культурно-просветительным, научно-хозяйственным.

Будущий миссионер-просветитель родился 17 августа 1761 года в местечке Мультон в Средней Англии. Из-за нужды и бедности Вильям Кэри не мог учиться даже в гимназии, не говоря уже об университете или академии. С четырнадцати лет бедные родители отдали мальчика на обучение к сапожнику. Способный ученик быстро стал искусным мастером. И ремесло сапожника долгие годы служило Вильяму средством для пропитания. Несмотря на отсутствие официального систематического образования, у богато одаренного мальчика с самого раннего детства проявилось сильное влечение к наукам. Он черпал начальные знания о Боге, Библии от родителей, искал общения с образованными людьми, жадно поглощал серьезные книги. Маленькая комнатка Вильяма была похожа на рабочий кабинет ученого-натуралиста. На полу и по стенам находились клетки с птицами, коллекции насекомых, растений. Но главным увлечением юного Вильяма были иностранные языки. С помощью знатоков и самостоятельно он изучал древние классические языки: латынь, древнееврейский. Теперь он мог читать Библию на языке подлинника.

Вскоре к Вильяму пришла и глубокая осознанная вера. Один из его товарищей по сапожному ремеслу свидетельствовал ему о Христе. Сердечная почва Вильяма уже была подготовлена изучением Библии и разных христианских книг. «Иисус страдал за меня на Кресте, Он проливал Свою невинную Кровь за мои грехи. Отныне Ему должна принадлежать моя жизнь», – принял твердое решение Вильям Кэри. Он присоединился к местной церкви христиан-баптистов и начал с большим рвением проповедовать Евангелие Иисуса Христа. Как-то ему попала на глаза книга «Последнее

путешествие капитана Кука». Кук живописно рисовал быт и традиции языческих племен и народов. Читая эти мемуары, Вильям всем сердцем переживал за черные, коричневые и желтые народы, которые не знают Живого Бога, не слышали о Христе, им ничего неизвестно о спасении. Неужели они умрут и вовеки погибнут без света Истины? Кто им понесет Слово Божье? Мысли о плачевном состоянии мира не давали покоя Вильяму Кэри. Христиане несут ответственность перед Богом не только за своих ближних, свою страну, свой народ, но и за весь мир. «Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам» – эти слова Апостола Павла напоминают каждому христианину о святом долге распространения Благой Вести. Этот долг христианской любви воспламенил сердце юного проповедника.

В 1789 году Вильяма Кэри пригласили на большую межцерковную конференцию проповедников. Молодой оратор выступил с горячим призывом к своим собратьям об организации всемирной миссии. «Ожидай великое от Бога, делай великое для Бога! – провозглашал Кэри, вдохновляя проповедников на самоотверженный миссионерский труд. Многие церкви в то время совсем не горели духом миссионерства. Находились даже такие проповедники и богословы, которые утверждали, что, если бы Бог хотел обращения язычников, Он обошелся бы без миссионеров. Христиане под влиянием подобных рассуждений впадали в духовную спячку. Вильям Кэри вступает в острую полемику с противниками миссионерства. Он выпускает в свет солидный трактат «Исследование обязанностей христиан по использованию средств для обращения язычников». Несмотря на сильное противодействие отдельных церковных

служителей и государственных чиновников, Вильям Кэри составляет проект и организует в 1792 году в Лондоне Всемирное миссионерское общество. Однажды на собрании комитета Общества зашел разговор об открытии христианской миссии в Индии. Друг Кэри, мистер Фуллер, в докладе сказал: «Индия – это золотой рудник, столь глубокий, как и центр земного шара, и потому мы спрашиваем: у кого хватит мужества спуститься в него?» «Это желаю сделать я! – раздался громкий голос Вильяма Кэри. – Но вы должны держать веревку, когда я буду спускаться туда».

Путь в Индию занял почти полгода. И сопровождался он невероятными трудностями. Путешественники то и дело пересаживались с корабля на корабль. Миссионерам чинили препятствия чиновники. Много проблем было и с родственниками. Жена Кэри сначала наотрез отказалась ехать с ним. Затем все-таки согласилась, но при условии, если он возьмет в группу и ее сестру. Когда столь долгий и тяжелый переезд был завершен, возникли новые трудности с обустройством в Индии. Где и как построить жилище? Где добыть необходимые средства для жизни? Материальной поддержки со стороны комитета миссионерского Общества явно не хватало. Вновь прибывшие миссионеры сменили множество мест в поисках более или менее благоприятных условий для духовной работы. К житейским неурядицам прибавились и другие испытания. Вильяма Кэри начала одолевать тропическая лихорадка. И он вынужден был надолго приостановить свои труды по переводу Библии на местные наречия. Кэри не успел еще оправиться от лихорадки, как пришли новые бедствия в семью. Погиб сын, тяжелым душевным расстройством заболела жена.

«Здесь для меня поистине долина смертной тени, – писал Вильям в дневнике. – Ах, что дал бы, чтобы иметь тут таких друзей, какие у меня были в Англии. При всем том я доволен, что нахожусь здесь. Бог есть здесь, как и там. Он не только жалеет нас, но и может спасти от тяжелых обстоятельств».

Житейских скорбей и мытарств заметно поубавилось, когда семья Кэри и семьи его сотрудников нашли наконец долголетнее пристанище в окрестностях Калькутты. Это был город Зирампур, где датские купцы основали факторию. Датская колония процветала, и ее администрация взяла под свое покровительство миссионеров.

В Индии в то время среди местного населения господствовали страшные обычаи. Обычай принесения в жертву детей был распространен повсеместно. Кэри и его друзья столкнулись с этим ужасным явлением на берегу реки Ганг. Родители бросали своих детей в мутные воды священной реки. Вильям Кэри, не щадя сил и времени, убеждал начальствующих и народ прекратить подобные жертвоприношения. Вскоре бесчеловечный обычай был упразднен. Не менее жестокая традиция бытовала в семьях коренных жителей. В случае смерти мужа жену подвергали страшной казни: несчастную вдову сжигали на большом костре. Вильям Кэри добился отмены и этого обычая. Деяния такого рода стали объявлять преступными.

С великим упорством и прилежанием Кэри изучал местные языки. Еще тогда, в ранней юности он вынашивал планы перевода Священного Писания на языки туземных народов. 7 января 1801 года появилось первое издание Нового Завета на бенгальском языке.

Вильям Кэри возглавил в памятный день благодарственное богослужение при огромном стечении местных жителей и сотрудников миссии. Затаив дыхание, многочисленное собрание слушало вдохновенную проповедь Вильяма Кэри на тему: «Слово Христово да вселяется в вас обильно». Перевод библейского текста на местный язык чрезвычайно труден для переводчика. Учение Библии о покаянии, вере, оправдании, спасении, освящении не имело прямых аналогов у туземцев. Переводчику необходимо было овладеть языком во всех тонкостях и проявить высочайшее лингвистическое искусство. Вильям Кэри справился с этой задачей. Ученые-специалисты высоко оценили труд миссионера. Ему даже предложили занять кафедру профессора бенгальского языка в Высшей школе. Со временем Кэри стал преподавать и другие местные языки и оставался профессором до самой кончины.

Полный текст Библии на бенгальском языке вышел в 1809 году. У Вильяма Кэри были преданные помощники из числа сотрудников миссии и из среды местных грамотных людей. Но основное бремя труда по переводу лежало, конечно, на нем самом. Кроме переводов миссионер составил обширные словари и пособия по грамматике местных языков. Для распространения библейских книг и работ по лингвистике нужна была солидная типографская база. Вильям Кэри строит бумажную фабрику, организует привоз и установку мощной паровой машины. Эта техника была диковинным нововведением в Индии. Издательско-типографское производство работало очень продуктивно. Но здесь не обошлось без трагедий. Сильнейший пожар уничтожил часть ценнейшей продукции. Благодаря мужеству

и стойкости Вильяма Кэри печатное дело не заглохло. К концу жизни миссионер смог перевести и издать Библию на сорока четырех языках и наречиях. Он также подготовил издание самой первой в Индии газеты на местном языке. Называлась она «Друг Индии». Но именно Кэри и был истинным другом индийского народа. По его инициативе был открыт приют для прокаженных, 126 общеобразовательных школ и духовная семинария для обучения проповедников из среды христиан Индии. Неутомимый миссионер основал также около 30 больших церквей в разных районах.

Вильям Кэри каким-то чудесным образом находил время и для занятий растениеводством. Его детское увлечение природой переросло здесь в настоящую страсть. Миссионер Кэри стал одновременно ученым-ботаником. Он развел огромный ботанический сад, составил научный каталог редких растений, написал работу по земледельческой культуре. Вскоре в Индии появилось созданное Кэри Общество садоводства и сельского хозяйства. «Я благодарю Бога за то, что Он дарует мне здоровье и что я до сих пор могу не отрываться от работы».

Более сорока лет продолжалась столь обширная миссионерская работа Вильяма Кэри в Индии. О самоотверженном миссионере узнали в разных странах мира. Высокопоставленные лица выражали ему свою признательность и восхищение. Всеобщее внимание не лишило проповедника смирения. Один важный генерал как-то спросил у Кэри, правда ли, что он в молодости был сапожником? «Нет, я был всего лишь починщиком обуви», – без всякой тени рисовки ответил Кэри. Тем же глубоким христианским смирением наполнен и

текст предсмертного завещания. Миссионер просил написать о себе на могильном камне:

*«Жалкий червь, беспомощный и бедный,
Смиренно прибегает к милости Твоей».*

9 июня 1834 года совершился переход Вильяма Кэри из земной юдоли в Небесное Царство Христа. Жизнь и труды этого подвижника Евангелия открыли век христианских миссий. Яркий пример Вильяма Кэри вдохновил тысячи христиан на дело проповеди среди язычников. В странах Европы появилось множество миссионерских объединений. В Индию, Африку, Южную Америку, Китай понесли учение Христа преемники Вильяма Кэри.

Проповедник благодати

*Благодать – это душа Евангелия.
Без нее оно мертво. Благодать –
это музыка Евангелия, и без нее
оно беззвучно и безутешно.*

Чарльз Сперджен

В 1905 году в Лондоне был созван Первый всемирный конгресс христиан-баптистов. Российских баптистов на этом международном форуме представляли известные служители: Дей Мазаев, Василий Иванов и Василий Павлов.

Стоило только делегатам из России появиться в английской столице, как они сразу же стали объектом пристального внимания журналистов. Английские репортеры высказывали в газетах свое изумление по поводу того, что эти баптистские посланцы немедленно после прибытия в Лондон отправились на Норвудское кладбище отыскивать памятник проповеднику Евангелия Чарльзу Сперджену.

Почему имя этого проповедника было столь популярным при жизни и после смерти?

Уже в самом юном возрасте Чарльз промыслом свыше был призван возвещать Евангелие благодати Божьей. Как-то застигнутый студеной зимней бурей юноша забежал в маленькую церковь методистов. Престарелый пастор говорил не очень грамотно и искусно, но искренне, от души. Заметив юного посетителя, он обратился к нему просто, по-отцовски, со словами: «Молодой человек, ты будешь несчастен, если от всего сердца не уверуешь во Христа и не станешь служить Ему».

Так в маленькой группе пожилых людей произошло обращение Сперджена. Этот день был поистине поворотным в его жизни. Не раз он будет вспоминать и свидетельствовать о том, что сотворил с его душой Господь. «Мне казалось, что я вот-вот выпрыгну из кресла, в котором сидел, и закричу вместе с самыми громкими братьями из методистов: Я прощен! Я прощен! Еще один памятник благодати воздвигнут сегодня – еще один грешник, спасенный Кровью Христа!» – писал он в своей автобиографии.

Решительно последовав за Христом, Сперджен пробует себя на поприще христианского педагога. Оставив родительский дом в Кальведоне, небольшом селении графства Эссекс, где появился на свет 19 июня 1834 года, он переезжает в Кембридж, чтобы служить учителем воскресной школы. Не только ученики, но и его коллеги-учителя с увлечением внимали урокам юного наставника. Кроме работы в школе, Сперджен присоединился к странствующим проповедникам. Они обошли все деревеньки в окрестностях Кембриджа.

Местные жители, забывая о времени, слушали вдохновенное слово прямо на поле или в сарайчиках.

Совершенно неожиданно девятнадцатилетний Чарльз получает приглашение из Лондона стать пастором одной столичной баптистской церкви. Эта церковь явно умирала. Количество членов ее и посетителей уменьшалось из года в год. Сперджен произнес здесь серию проповедей, и вскоре помещение, рассчитанное на тысячу посадочных мест, стало тесным от массового притока новых людей.

Принимается решение – кафедру проповедника переместить в концертные залы. Оказалось, что и многотысячные залы не могут вместить всех желающих слушать Сперджена. Но где успех, там – зависть. На одном из собраний раздался голос какого-то злопыхателя: «Пожар! Пожар!» Зал охватила паника, народ бросился к выходу. От напора толпы рухнула верхняя галерея. Кто-то погиб, было много раненых. Проповедник заболел от сильного душевного потрясения. Через некоторое время помещение отремонтировали, силы проповедника восстановились, и он вновь появился на кафедре. Каждое воскресное утро от десяти до двенадцати тысяч слушателей устремлялись к нему слушать проповедь. А по вечерам Сперджен проповедовал в церковном здании для членов общины.

Не только Лондон, но практически вся Англия и Шотландия быстро стали аудиторией Сперджена. Его приглашают отовсюду.

Проповедническое служение Сперджена развернулось на волне большого духовного пробуждения. В конце 50-х годов XIX века оно вспыхнуло в Америке и вскоре распространилось во многих районах Британии.

«Времена трепетного освежающего Божьего присутствия пали и на нашу землю», – отмечал Сперджен. Английские церковные историки назвали 1859 год «истинным годом Божьей благодати». Оценивая феномен «года благодати», корреспонденты газет писали: «От дней Уэсли и Уайтфильда Англия ничего подобного не видела. Необыкновенный подъем веры и духовное оживление повсеместны».

Сотни тысяч душ обратились к Богу через проповеди Сперджена. В огромных залах, где он проповедовал, явно чувствовалось веяние Духа Святого. Изобилие духовных плодов он не приписывал себе, своим талантам и способностям. «Я проповедовал Евангелие в простоте, я проповедовал в искренности. А если что-то у меня получалось, то получалось по благодати Божьей. Если я достиг успеха, то этому есть только одно объяснение – благодать».

Широко известен Сперджен и как наставник проповедников. Его популярная книга «Добрые советы проповедникам Евангелия» – один из самых лучших практических учебников по гомилетике, по искусству церковного красноречия. Автор не поучает свысока, а ведет непринужденную беседу со своими молодыми собратьями о самом важном и трудном служении – проповеди Евангелия. «Проповедник евангельской благодати прежде всего должен быть сам достоин ее. Никакая степень образованности и учености не может означать божественного призвания к проповедничеству. Настоящая истинная жизнь в Боге – вот непременно условие его», – подчеркивал он.

На исходе XIX века «Добрые советы проповедникам Евангелия» появились и в России. На русский язык

эту работу перевел и издал ректор Московской духовной академии епископ Евдоким. «Автор предлагаемой книги – выдающийся оратор. Его собирались слушать такие толпы народные, которые иногда доходили до двадцати пяти тысяч человек, – писал в предисловии переводчик. – Упадок проповедничества в наши дни вынудил нас преподнести нашим читателям одну только незначительную часть трудов этого плодovitого и талантливейшего английского проповедника. Внимательный читатель может быть еще только впервые с необычайной ясностью и глубиной увидит и поймет свои прямые и священнейшие обязанности и восстанет из той бездны мрака, в какой он до сих пор находился. Осветить жизненный путь человеку – великое дело».

Лекции Сперджена для студентов богословия нашли добрый прием у православных семинаристов, ими пользовались священники, их прорабатывали наставники из евангельских церквей. Евангельские журналы «Баптист», «Христианин», «Благовестник» почти из номера в номер публиковали переводы отдельных проповедей Сперджена. Некоторые его проповеди и духовные беседы читали детям в христианских семьях. Так однажды услышал о Сперджене Василий Фетлер, ставший первым студентом из России в Библейском колледже, который был основан английским проповедником. Фетлер впитал в себя наследие и опыт Сперджена, совершая многие годы служения проповедника-евангелиста.

Очень тяжело переживал Чарльз Сперджен проникновение либеральных и модернистских идей в богословие и церковную практику. Так называемое «новое богословие» стало заявлять о себе под влиянием

сочинения Чарльза Дарвина «Происхождение видов» и нарастающей критики Библии. Модернистские богословы без зазрения совести проводили ревизию Священного Писания, выхолащивая из него все сверхъестественное, недоступное для научного объяснения. Отрицались библейские чудеса, воскресение Христа, божественная природа Христа ставилась под сомнение. Такие подходы вели к упадку духовной жизни, вызывали стремление некоторых церковных служителей превращать богослужения в развлекательные шоу. С церковных кафедр провозглашалось Евангелие морали, Евангелие успеха, а Евангелие Искупления, Евангелие Креста упразднялось.

От Сперджена потребовалось немало мужества и стойкости для того, чтобы публично встать на защиту незамутненной модными изысками подлинной Евангельской Вести. «Наш век кишит сомнениями, как древний Египет лягушками. Вы сталкиваетесь с ними повсюду. Все сомневаются во всем, и не только в религии, но и в политике, и в общественной экономике, вообще во всем. Итак, братья, поскольку это век сомнений, то нам нужно остановиться и стоять спокойно там, где мы уверены, что под нами правда», – убеждал он студентов колледжа.

К концу 80-х годов Сперджен оказался в самом эпицентре острейшего конфликта между сторонниками «нового богословия» и приверженцами традиционной веры. Когда Сперджен убедился в том, что некоторые ответственные служители Союза баптистов Великобритании тоже заразились вирусом модернизма, он принял решение выйти из Союза. Этот шаг и бескомпромиссная позиция его по отношению к тем, кто искажал суть

Евангелия Иисуса Христа, навлекли на него бурю негодования со стороны лагеря либеральных богословов и служителей.

Многообразное служение в разных сферах и нескончаемые баталии с оппонентами не могли не сказаться негативно на состоянии и без того слабого здоровья Сперджена. Обострились хронические болезни, а к ним прибавились новые.

Чарльз Сперджен оставил мир сей 31 января 1892 года.

Проповедническое служение Сперджена – это целая эпоха в истории духовной культуры Англии. Его проповеди и беседы имеют не только духовное и богословское значение, но и художественное, эстетическое. Британцы любили и продолжают любить горячего провозвестника Евангелия. Знаменитый исследователь Африки и миссионер Давид Ливингстон всегда имел при себе сборники проповедей Сперджена. Писатель Чарльз Диккенс часто бывал в числе заинтересованных и благодарных слушателей проповедника. Музей, посвященный жизни и трудам Сперджена, давно открыт в корпусе лондонского Библейского колледжа. На малой родине Сперджена, в Кальведоне, в дни юбилейных дат всегда многолюдно. У малой речушки, где Чарльз принимал крещение, по традиции собираются местные школьники и гости со всей страны, чтобы вспомнить своего великого соотечественника.

Корреспонденты газет, которые наблюдали за русскими баптистами, когда те в канун работы Конгресса пошли к мемориалу Сперджена, дали примечательную заметку в прессе: «Торжественно и спокойно было маленькое собрание на Норвудском кладбище – месте

упокоения величайшего из проповедников. Для тех, которые стояли тут, хотя они и не видели его никогда и никогда не слышали его голоса, Сперджен был не мертв и не забыт. В это время им казалось, что проповедник все еще говорил с ними. Пели и молились на иностранном языке. Посетителями были представители русского баптистского союза. Они приехали из-за гор и морей за несколько тысяч миль и почувствовали, что первая их необходимость состоит в том, чтобы почтить память человека, любезного Господу Богу и любезного людям Божьим».

Эта заметка еще одно свидетельство о том, что Чарльз Сперджен, как проповедник спасительной Божьей благодати, есть явление не только национальное, но и всемирное.

Об истоках Реформации в России

Слова «реформация», «реформаторы», «протестанты» чаще всего связывают только с историей и культурой Западной Европы. Россию же обычно относят к странам с незыблемыми православными традициями. Насколько соответствует подобный взгляд историческим реалиям?

Россия не пережила Реформации в том всеохватывающем виде, как это случилось в европейских странах. Но по раздольным российским землям почти из века в век прокатывались волны довольно мощных религиозных движений реформационного характера. Уже в XII-XIII веках в северо-западной и центральной части России широкое распространение получает проповедь неких «мирян-христоролюбцев». Эти верующие смело обличали грубые злоупотребления и пороки в среде духовенства: стяжательство, мздоимство, пьянство. «Ныне же соль земли испрахнела вся»¹, – заключают народные проповедники. Тот же тлетворный дух мира сего они замечают и в монастырских обителях. Ревностные христиане из народа ратуют за право на проповедь для

всех верующих: «Лепо же есть всем славить Бога и проповедати учение Его»². Коль жизнь многих пастырей церковных далека от евангельских принципов, то и на исповедь можно ходить не к священникам, а к простым, но «духовным» верующим. «Миряне-христоролюбцы» часто устраивали собрания вне храма, «для молитвословия и научения книжного»³.

Движение религиозного протеста нарастало из года в год, и высшее духовенство вынуждено было как-то отреагировать на недовольство паствы. В 1274 году был созван собор во Владимире, на котором епископы Новгорода, Ростова, Полоцка, Суздаля, Владимира осудили грех симонии. «Поставленный на мзде, да извержется. Да извержется и поставлий его. Никто же Благодати Божьей не продает»⁴, – гласило соборное постановление. Собор также упорядочил и установил строгий подбор кандидатов на священство. Кандидат должен иметь положительное свидетельство соседей, духовника и семи священников.

Попытка изменить плачевную духовную ситуацию сверху особым успехом не увенчалась. Процессы обмирщения уже глубоко проникли в храмы и монастыри. Христиане, жаждущие веры неформальной, считали своим долгом противостоять духовному упадку. Если выступления «мирян-христоролюбцев» носили стихийный и разрозненный характер, то в середине XIV века заявило о себе организованное и массовое движение, известное под названием «стригольничества». Из Пскова и Великого Новгорода движение распространилось по другим городам и весям. Возглавили его, по одной из версий, «расстриженные» за инакомыслие представители низшего православного духовенства.

Наставники стригольников все духовные требы стали совершать бесплатно, сформировали традицию абсолютной трезвости. Ими был разработан определенный свод вероучения, где провозглашалось, что истинная христианская церковь должна быть устроена по первоапостольскому образцу, а главным источником веры и богопознания являются апостольские писания. Вероучение подчеркивало, что Бог обитает не только в храме. Душа, ищущая спасения, не нуждается в сонме посредников. Посредник один – Господь Иисус, и вера в Его искупительную смерть оправдывает человека перед Богом. Стригольники отрицали церковную иерархию, монашество, молитвы за умерших, почитание икон, креста.

Нововеров объявили еретиками, а их учение – посягательством на устои господствующей церкви. В 1376 году над вождями стригольников учинили публичную казнь. «Развратители веры христианской» были избиты и сброшены с моста в реку Волхов. Среди казненных один из влиятельных наставников – Карп-стригольник.

После жестокой расправы над основными духовными лидерами стригольничество как массовое движение просуществовало еще полсотни лет. А затем расчленилось на несколько толков. У одних наблюдался сильный крен в сторону иудаизма, другие обросли элементами язычества. А третий сохранил облик, близкий к евангельскому.

Возникает вопрос: почему именно в псковско-новгородских землях вспыхнула столь мощная потребность в «реформации»? Великий Новгород и Псков не испытали нашествия Золотой Орды, став центрами развития ремесел, торговли, искусства. Население этих

городов отличалось вольнолюбивым нравом. При увеличении подати, налагаемой властью и духовенством, тут же разгорались волнения. У псковичей и новгородцев была возможность для сообщения с Западом. Рядом была Литва, Польша. А в это время в Европе бродили реформаторские идеи Джона Уиклифа, которого историки не зря окрестили «утренней звездой Реформации». Учение Уиклифа подхватил Ян Гус. Сподвижник Гуса, Иероним Пражский, доставил его сочинения в Псков и Витебск. Таким образом, зерна из проповедей предтечей европейской Реформации могли пасть на восприимчивую почву российского северо-запада. Не отметая вполне естественные влияния со стороны Европы, многие православные историки все-таки обозначили стригольничество «первым чисто русским своемыслием»⁵.

Та же псковско-новгородская земля стала местом, где в XVI веке приобрело популярность учение Матвея Башкина и Феодосия Косого. Эти проповедники учили о равенстве всех перед Богом, о любви к ближнему, независимо от социального статуса, цвета кожи и веры. Евангелие и пример жизни Апостолов – образец для духовной жизни. Так же, как и стригольники, они отрицали многие православные традиции и обряды.

Тяга к безобрядовому сознательному христианству, идущая от стригольников, возродилась в вере и практике духоборов и молокан (XVIII в.). «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»⁶ – эти слова Христа легли в основу мировоззрения и жизненной позиции членов духоборческих и молоканских общин.

Реформационные волны колебали российское общество и в XIX столетии. Начальный период правления

императора Александра I был назван историками и богословами «временем пробуждения сердца». Живым олицетворением духа эпохи был сам царь. Комплекс либерально-демократических реформ, проведенный им в начале царствования, создал благоприятные условия для возрождения и развития евангельского христианства и учения о «внутренней церкви». Учреждение Российского библейского общества в 1813 году на межконфессиональной основе и начало перевода Библии на русский язык пробудили небывалый интерес к Священному Писанию, порождая библейские кружки в среде аристократии и библейскую духовность.

Вторая половина XIX века ознаменовалась появлением на арене национальной истории теологически и организационно оформленных российских протестантских церквей. Союз русских баптистов, а затем Союз евангельских христиан в начале XX века – наиболее зрелые и крупные плоды Реформации на российской почве.

Если у отдаленных и ближних предшественников тезис об оправдании через веру в жертву Христа был выражен не во всей полноте, то баптисты и евангельские христиане высветили его наиболее ярко и выпукло, как это в свое время сделали вожди западной Реформации: Мартин Лютер, Жан Кальвин, Ульрих Цвингли и европейские баптисты. Первый баптистский катехизис, составленный пресвитером В. В. Ивановым-Клышниковым, гласил:

«Мы верим, что Бог мог избавить человека от следствий его падения не иначе как полным удовлетворением Своей святой правде. Посему Он от вечности предопределил Своего Единородного Сына Иисуса Христа

в жертву умилоствления... Мы веруем, что это вечное всеполное искупление, совершенное Сыном Божиим, есть единственная причина нашего спасения и что посредством одного нам сообщается: прощение грехов и преступлений, оправдание, вечная праведность, избавление от смерти, дьявола и ада и жизнь вечная»⁷. Автор вероучительного документа, один из первых русских баптистов, подчеркивает правовой аспект искупления, что характерно для богословия Реформации.

Многие протестантские течения в России отделились и сформировались вне православной церкви. А в лоне самого православия были ли попытки проведения Реформации с библейско-протестантским оттенком? Да, подобные устремления существовали и в истории России. Например, с началом европеизации при Петре I на церковном небосклоне явилась яркая фигура Феофана Прокоповича. Человек извилистой судьбы, с противоречивым характером, прошедший хорошую выучку на Западе, став епископом и советником царя по делам церковным, претворил в жизнь инициативу Петра об учреждении Синода вместо патриаршества. Еще во время преподавания в Киево-Могилянской академии Прокопович не переставал внушать студентам идею о том, что Писание намного выше Предания, а к его изучению вполне допустим и научный метод. Консервативное духовенство встретило такие идеи в штыки. Священники строчили на Феофана донос за доносом, что он якобы протаскивает учение Лютера в недра православия.

Русский европеец император Александр I, стоявший за предоставление свободы иноверцам, вместе с ближайшим другом князем Александром Голицыным известен своими стараниями по оживлению духовной

жизни в стране. В 1817 году было создано даже сугубое Министерство «для восстановления живой и сознательной веры в народе»⁸. Реформистские инициативы не пошли вглубь и вширь, так как натолкнулись на противодействие со стороны консервативных государственных деятелей и церковных иерархов. Они открыто возмущались тем, что «Голицын требует частых проповедей, учительства, винит духовенство в безграмотности и бездумном требоисполнительстве»⁹.

Основательная попытка внести дух Реформации внутрь православия наметилась в 20-е годы прошлого века. В 1922 году в православной среде зародилось так называемое обновленческое движение. В нем обозначились три ветви реформистского толка: живая церковь, древлеапостольская и церковь возрождения. В эпицентре обновленчества стоял епископ, а затем митрополит Александр Введенский. На обновленческом соборе 1923 года была провозглашена программа движения, которая предусматривала перевод богослужения на современный русский язык, увеличение доли проповеди, широкое участие мирян в церковной жизни, развитие социального служения, бесплатные духовные требы, возможность брака для епископов и второбрачие для вдовцов. Союз евангельских христиан в лице его духовного лидера И. С. Проханова налаживал контакты с обновленцами, устраивая совместные съезды и акции.

Этот реформаторский пыл со временем угас и пошел на убыль. Обновленчество скомпрометировало себя тесным братанием с большевиками. Главный идейный вдохновитель обновленцев Александр Введенский стал «притчей во языцех». Яркий, всесторонне образованный и одаренный человек, превосходивший по мощи

ораторского таланта политических деятелей той эпохи, в то же время был морально неустойчив, чрезмерно честолюбив. К тому же в рядах обновленцев не хватало единства, движение было обречено на распад.

Почему же российские религиозные реформаторы веков отдаленных и близких не имели широкого успеха, как протестанты в Европе? На европейском континенте сложились особые предпосылки для широко-масштабной Реформации. Броский лозунг Ренессанса: «Назад – к истокам» захватил не только мир интеллектуалов, но и христианские круги. Если интеллектуалы погрузились в изучение античного наследия, то активные христиане стали воплощать идеалы первоапостольской церкви. Россия же накрепко приросла к обрядовому благочестию. По замечанию современного историка А. Ф. Замалеева, «православная церковь, ориентируясь на византийские схемы, сузила горизонт восприятия евангельской истины до простого аскетизма, противопоставив обрядовые ритуалы рациональной теологии»¹⁰.

В Священной Римской империи к началу Реформации шел процесс образования отдельных национальных государств. Их правители были заинтересованы в размежевании с папским Римом. Как известно, Мартина Лютера и других реформаторов активно поддерживали владетельные князья. В 1529 году императору Карлу V было подан так называемый «Шпейерский протест» – обращение шести князей и представителей 14 свободных городов в защиту права на самоопределение и свободу совести. Протестантизм, как третья ветвь мирового христианства, получил свое название именно от этого исторического документа.

Если в Европе постоянно разгорались дебаты о необходимости разделения духовной и светской власти, то в России, наоборот, церковь и власть, следуя византийской модели, самым тесным образом переплетались. Такая прочная спайка церкви и государства не позволяла религиозному свободомыслию охватить широкие пределы Отечества.

Как бы то ни было, древнейшая традиция религиозных исканий, подпитываемая идеями западной Реформации, никогда не прерывалась на Руси. Делая обзор отечественных протестантских течений XIV–XVI веков, православный историк А. В. Карташов отметил, что «это была тень Реформации, осенившая своим крылом смежную с Западной Европой часть Древней Руси»¹¹.

Примечания

1. Цит. по: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI века / А. И. Клибанов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 105.

2. Цит. по: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI века / А. И. Клибанов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 114-115.

3. Цит. по: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI века / А. И. Клибанов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 114-115.

4. Цит. по: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI века / А. И. Клибанов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 106.

5. Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники / Ф. В. Ливанов. – СПб., 1872. – Т. 1. – С. 140.

6. Евангелие от Иоанна 4:24.

7. Иванов-Клышников В. В. Баптистский катехизис / В. В. Иванов-Клышников // Валькевич В. А. Записка о пропаганде протестантских сект в России и в особенности на Кавказе / В. А. Валькевич. – Тифлис, 1900. – Приложение № 2. – С. 2.

8. Цит. по: Зубов А. Размышления над причинами революции в России / Зубов А. // Новый мир. – 2006. – № 7. – С. 145.

9. Цит. по: Зубов А. Размышления над причинами революции в России / Зубов А. // Новый мир. – 2006. – № 7. – С. 148.

10. Замалеев А. Ф. Еретики и ортодоксы. Очерки древнерусской духовности / А. Ф. Замалеев. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 5.

11. Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташов. – М.: Terra, 1997. – С. 503.

По вопросам приобретения книг обращаться
Ассоциация «Духовное возрождение»
ул. Выговского, 1, г. Ирпень, Украина
тел.: (044) 227-55-22
e-mail: field@missioneurasia.org; info@asr-rm.org

МПП «Триада С», м. Коростень, вул. Жовтнева, 52
тел.: (067) 327-27-55, e-mail: amaksimenko@bigmir.net
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 945 від 12.06.2002 року

Printed in Ukraine